

БЕЛОЕ НА БЕЛОМ

перевод с неандертальского

От издателя

Буквальный «перевод» петроглифов невозможен.

Остается свободное толкование.

Отсюда – почти неизбежные лакуны, неожиданные смещения смысла, логические сбивы, ведь наскальный знак – знак потаённый. К счастью, техника (так называемого) литературного «перевода» постоянно совершенствуется. Даже самый предубеждённый, самый прихотливый читатель (исследователь) может, изучая доисторические наскальные рисунки, чувствовать (видеть) вполне связные (часто трагические) сцены, разыгрывавшиеся их предками в долинах и межгорьях Азии многие десятки тысяч лет тому назад.

I

[Шуршали] тени.

[Шёл] наклоняясь, своды низкие.

Рост – самый пещерный. Не горбился, просто шёл в наклон.

Молодой. Имя – У. Плечи прямым углом. Уууууууу – звал из затерянного во тьме тупика безумный Зе. А может, не звал, может, просто [по-своему] разговаривал с летучими мышами.

[Молодой У] – квадратные плечи, шрам на щеке, скулы скошены.

Поводил носом, остро чувствовал: в тёмных ответвлениях и ходах Пещеры – тайники, хранилища, просто тьма, зато перед Пещерой на широкой поляне под сухой лиственницей – костры, там громкие дети, как мохнатая мошкара, прыгают до облаков, до плывущих над миром Розовых, играют в до-до.

«Хопошо, хопошо...», – бормочет старая Канья.

В подземном зале (скошенная кровля теряется в темноте) тоже прыгают языки огня, пахнет испорченным, квашеным, даже влажным, кислым и подожжённым [вкусное], копошатся по углам женщины [чем старше, тем прибраннее], в стороне хромой Кулап поджимает под себя ту ногу, которая

короче. Голые колени Кулапа в тёмной шерсти, как бывают покрыты лишайниками древесные узловатые ветки. А на пыльном полу выложены круги (один в другом) из ломаных сталактитов.

«Зачем?»

Хромой не отвечал.

Вопросов много. Ответов мало.

Зачем вода затопляет нижние гrotы?

Хромой не знал.

Если большая вода придёт в Пещеру, куда бежать, где прятаться? Рыбой считает себя только безумный Зе, потому и зовёт: уууууууууу. А если придут Прямые – в руках железное? Хромой и этого не знал. Почему Розовые живут в небе, а Тумосы под северными сияниями?

Кулап не знал, [охотники] не знали.

Кулап хромой, а охотники заняты.

Охотники – всегда хмурые, так их и зовут – Хмурые.

А Кулап недужен. Он просто Кулап. Он раскладывает на пыльном каменном полу обломки сталактитов, жжёт кости медведей. Сам приносит, сам жжёт. Был молодым, камнями забрасывал Людей льда [называют себя Прямыми]: уходите, уходите из Большой щели! Пугал Розовых, отбрасывающих с неба долгие тени, с аппетитом обсасывал кости олешка [действие съев], нечистыми клыками пугал робких Тумосов, изредка пробегавших вблизи Пещеры по единственной тропе, проложенной ими через Большую щель. Бил камнем тощие фигурки, вылепленные щербатым Гуй-Гуем из светлой глины. «Где тучное?» – сердился хромой Кулап. [Разыскав] всегда бил обожжённые в огне фигурки, вдавливал ногами в песок. «Где тучное?» Почему фигурки, вылепленные Гуй-Гуем, не похожи на толстых пещерных жён?

«Где тучное?»

[Кулап] жил с тучной Утл [такой давно нет].

Потом жил с тучной Мат [женщиной Хмурого, убитого на охоте].

Потом привёл в свой угол Ратману. Тоже толстая. Даже ей не рассказывал, почему на пути к Зеркалу Люди льда поломали

ему ноги. Сразу обе. Остальное осталось целым, потому что Хмурые [охотники] не бросили, отбили Кулапа, дотащили до Пещеры.

Дальше выживай сам.

Женщины кормят, вода есть.

Раскладывал на полу обломки сталактитов.

Пещерные женщины не хотели жить с хромым. Зачем им такой Кулап, который не может идти впереди отряда? Одна нога короче, другая длинней, дырявый череп неровно зарос пегими волосами, широкие шрамы на лбу, на щеке. С аппетитом грыз кости, потом жёг их в кругах, аккуратно выложенных на каменном полу, ловил жуков, их тоже поедал с аппетитом, выплёвывал жёсткие крылышки. Однажды привели в Пещеру [вкусное] животное, не похожее на других. Шумно топталось, округлый рот, весь в зубах, топорщилось многими локтями, само лезло в огонь.

[Молодой У] спросил: «Это что?».

Хромым не стал объяснять; сам догадается.

Так шло время. Спрашивали часто, хромым часто не отвечал.

Потом с хромым стала жить коротенькая, как заяц, Ламаи [мягкая].

Прямые волосы ниже плеч, земного цвета глаза – вверх-вниз; мать Ламаи [по имени Утл] когда-то тоже называли мягкой, может, потому что была тучной. Теперь Ламаи [мягкая] вскидывала руку с окровавленным пальцем, оглушала Пещерных визгом: хотела иглу [железное], как у Прямых. Костяные иглы всё время ломаются [показывала окровавленный палец]. Старая Канья бормотала: «Хопошо», и пыталась лизнуть. Научилась у мышей. В её всегда тёмном углу жили тихие мыши, их тайком ловили и поедали Харран и Пур – братья [тёмный волос, низкие лбы].

«Почему молодой У идёт к Плоскому камню?» – [кричала] Ламаи.

«Ничего не умеет», – [кричала]. До сих пор играет в до-до. Утром бегаёт на дымящуюся реку, смотрит на восход. Молодой У не разберётся в подарках! – сердито показывала локоть. Раньше к Плоскому камню ходили Хмурые, ходил Кулап [теперь хромым]. Ламаи повышала голос. Вот у неё больше нет игл. Вот у неё сломались все костяные иглы, теперь хочет железное. Молодой У не сможет разобраться в подарках. «Скажи, Кулап! – требовала. – Не молчи, как холодное вымя». [Видишь] у неё костяные иглы поломались, пальцы в кровь иско-

лоты. Старая Канья бормочет: «Хопошо», но это совсем не хопошо. Жить без подарков трудно. Молодой У собьётся с дороги, не найдёт Зеркало, не выйдет на Плоский камень. Пусть Хмурые идут к Плоскому камню. Пусть Хмурые принесут всё, что для них оставлено. Визливо требовала отнять у Людей льда железное. Эти Прямые другое себе найдут. Где? Она [Ламаи] не знает, где. Этого не знают даже Хмурые, даже хромым. Но молодой У вообще не разберётся в подарках. [Показывала локоть]. Сами идите к Зеркалу! Сами несите железное! – визжала Ламаи. «И ты [беглая] должна помочь, – кричала Ламаи на тихую Тору, прячущуюся в тени. – Ты сама бегала к Людям льда, знаешь, где стоят их зелёные шалаши!» И ты, Ратана [визжала мягкая], буди Хмурых! Пусть сами идут, пусть гонят Прямых. Наша еда [тучные олешки] на ногах ходит. Её спугнут, она уйдёт далеко. И ты, Убон [кричала с пеной у рта], не лей воду без дела, у тебя и так всё лицо мокрое!

Убон согласно кивала.

Морщинки на её лице разглаживались.

Это [морщинки] разглаживаются у меня от воды [думала], а крик мягкой – лишнее.

К Плоскому камню пусть идёт молодой У. Хмурые заняты охотой. Один [Пещерный] мяса много не добудет, охотиться надо всем. Самому сильному одиночке оленьный бык локоть показывает. К Плоскому камню пусть идёт молодой У. Ноги у него быстрые. Кто быстро бегаёт, тот долго живёт.

Убон [знала]: молодой У справится.

Квадратные плечи, ходит в наклон, быстрые ноги.

Это [Гуй-Гуй] не может идти – правая рука кольцом, сухая.

Гуй-Гуй сам часто уходит из пещеры. Выкапывает земляных рыб, прячущихся в тёмном иле от зноя, рвёт зубами лягушек. Кузнечики ему нравятся [вкусное], щепкой сдирает личинки с побитых оленьих шкур. [Считает] железное должно храниться в Пещере. Спросите Тору. Она молчит? Ну и что? Зато знает много чужих слов. Мы знаем много своих слов, а она много чужих. Всю зиму [беглая] прожила в шалашах Прямых, знает, какие подарки от них ждать. Пусть несут железное. У них шалаши – худые, у них самки – тощие, мясо пережаренное. У них вскрик под острым ножом [действие съев], одежда из мягких ремней, браслеты светятся

в темноте. В Пещере [у огня] Хмурые грызут, сосут трубчатые кости, думают, как отнять железное у Людей льда. Спрашивают Тору, она молчит. Сама убежала к Прямым, сама вернулась. Может, потому что не родила. Среди пещерных детей, играющих в до-до, нет её ребёнка. Среди детей Людей льда нет её ребёнка. Как одна сбежала, так одна вернулась. Принесла зелёный браслет, а почему не железное? Правда, камни браслета такого цвета, что при любом огне вспыхивают, а потом долго светятся в темноте.

Почему такое?

Тора не говорит.

Бормочет про себя: сама вернулась.

Но ведь и сбежала сама. Морщит нос, опускает глаза.

Часто бормочет непонятное. *Хима*. Или *химакмол*. Теперь все в Пещере знают, что слово *хима* – это снег. Прямые живут в снегах, никакой холод Прямым не страшен. Они – Люди льда. Вот Тора и бормочет: *химакмол*. Хромой знает [встречал Прямых ещё до того, как они поломали ему все ноги]: *химакмол* – это тоже снег, только другой.

А какой другой? А зачем знать?

Нунакен, нунилб.

Так Тора бормочет.

А вот до бегства к Прямым дразнила молодого У долгим диким призывом – *уууууууу*. Он не оборачивался. Любил вопросы. Любил игру в до-до. Любил слушать, о чём шепчутся в Пещере.

Садился рядом с хромым, слушал.

Часто спрашивал. Всякое. Например, почему есть хочется?

Хромой отвечал: не знаю. А Тора [беглая] бормотала: *нунакен, илб*.

А почему *акен*? Почему *илб*? Почему Пещерные женщины даже очень сытые смотрят так, будто всё время хотят квашеных листьев, сушёных корешков, вяленого мяса? Бывает мясо с большими запахами, но они и его едят. Обжарь в углях, выпари запах – *вкусное*. В потайных залах Пещеры много вкусного. Зимы долгие, иногда даже многого не хватает. А на стенах – метки. Никто не помнит, кто и когда выбивал на плотном камне морды бородатых козлов, зверей с лапами, которых не пересчитать, рыб с такими длинными плавниками, что хватило бы на трёх-четырёх.

Спросишь, кто? Хромой раздражённо покажет локоть.

[Молодой У] радовался: наконец пойдёт к Плоскому камню.

Один. Совсем один. Хромой Кулап

проводить не сможет, только укажет, как идти.

Он и пойдёт. Сбиться с дороги трудно. Пусть визжит Ламаи [мягкая], идти-то всего день, правда, потом ещё один, а потом ещё два или три. В сторону не ступишь – обрыв к реке, в другую тоже не ступишь – лес, жадные звери, действие съев. И в небо не влезешь, там Розовые. Плывут, куда хотят. Большая щель с двух сторон сжимает большую реку. Вниз по течению – Люди льда [называют себя Прямыми], в холодных долинах под северным сиянием – Тумосы, а в небе, там только Розовые, они как эхо, не достанешь копьём. В солнечный день падают на траву огромные плывущие тени Розовых, сгущают прохладу. На полянах Мохнатые, каких, может, и на свете нет. Или вдруг [в тёмных местах] Дети мертвецов спят.

Только у Пещерных есть кров.

Только женщины Пещерных не спят в снегу.

[Люди льда] расплодились вокруг всей Большой щели, живут в долинах и на горах, шьют тёплую одежду, строят большие деревянные шалаши, имеют железное; они идут, куда хотят, к ним бегут чужие женщины.

Всё живое – для Людей льда.

Запахи, солнце, папоротники, трава.

Большая щель узкая, всех не вмещает, всё равно идут.

Некоторые несут подарки, оставляют на Плоском камне, это хорошо.

Другие идут с восхода, с заката, с полудня, это опасно. Хромой Кулап говорит: «Нападать на таких». Те, кто видел поломанные ноги Кулапа, судят осторожнее: «Сидеть в засаде».

Ахамахамахама.

Плоский камень под Зеркалом.

Хромой Кулап [знает]: шесть-семь переходов от Пещеры.

Там [в шести-семи переходах] Большая щель расширяется, берег завален ободранными стволами, переломанными ветками, тяжёлыми пластами гниющей листвы, коры, мхов, всё цветное, жёлтое, зелёное, зайцы скачут, лось качает головой. Широкие каменные ступени поднимаются к чёрному Зеркалу, на него падает водопад, иногда пересыхающий, [внизу] Плоский камень. Люди льда появляются под Зеркалом в дни обмена подарками, приходят только в особенные дни; робкие Тумосы прячутся в стороне, в небе плывут бесшумные Розовые. Каждый по-разному отражается в Зеркале, кроме Де-

тей мертвецов. Эти прыгают, злятся, мечут камни, промахиваются, но себя не видят. Очень многие кости разбросаны в траве, в папоротниках – матовые, жёлтые, даже белые. Пока Кулап не был хромым, сам ходил к Зеркалу, приносил в Пещеру *железное*. Подарки на Плоском камне лежат открыто, кому что надо, то и берут. Закон прост: взял чужое – оставь своё. Взял кремни, оставь вяленую оленину. Или сухие грибы. Даже Дети мертвецов берут такое.

А над Плоским камнем Зеркало.

Большая щель длинная, узкая. Многие тут переводят дух.

[Молодой У] слышал: вниз по реке путь долгий. Там, ещё семь дневных переходов, стоят лиственницы с ветвями до земли [зайцы прячутся], зимой – в чёрных шишечках снизу доверху, осенью в кольцах жёлтой хвои. Хромой Кулап [когда был не хромым], сам видел большие лиственницы, *самый край*. Смотрел [на молодого У] пусть догадается, что такое *самый край*. Видел Тумосов, как робкой цепью один за другим спешат они в угрюмый скальный проход к долинам, лежащим под северным сиянием. Видел в небе безмолвно плывущих Розовых. Там, в небе, – огни, звёзды, сияния. Кулап [ещё не хромой] ходил так далеко вниз по Большой щели, что видел звезду с раздвоенным хвостом – торчком над водой.

Ярче всех, и с хвостом.

На *самом краю*. Страшно?

Хромой отвечал просто: не знаю.

Хромой много раз смотрел в Зеркало, в его сумеречной глубине тоже торчком стояла хвостатая. Зачем звезде хвост? Хромой не знал. Он давно не ходил к Зеркалу. Там, вниз по реке, бродят Люди льда, мёрзнут под снегами, мокнут под дождями, задыхаются под сухими жёсткими ветрами. А вот у Пещерных есть Пещера – сухая, тёплая. Всё в Большой щели сгорит, утонет, развалится, а сухая Пещера останется. Всех Розовых унесёт ветрами, робкие Тумосы подпадут под действие *сьев*, а Пещерные так и будут жить под каменной кровлей.

Хромой Кулап мрачно кашлял.

Ноги ему поломали в снегах под Зеркалом.

Ахамахамама. Хмурые своего Кулапа не бросили.

Луна огромная, жёлтая, стояла над медленным водопадом.

Над Большой Щелью она всегда светит так ярко, что ходить по берегам можно даже самой глубокой ночью. А если поднять-

ся на гору, на её горбатое плечо [подсказывал Кулап], можно достать Луну копьём. С горбатого плеча горы не промахнёшься мимо светлого лунного сердца. [Когда-то] Кулап сам хотел такое сделать, но Люди льда [называют себя Прямыми] поломали ему все ноги, и ещё левая рука сохнет, как надломленная.

Ахамахамама.

Убить Луну! Принести светящуюся шкуру в Пещеру!

В самых дальних извилистых переходах [молодой У] разложит нарезанные ленты светящейся лунной шкуры. При таком свете самый усталый Хмурый захочет умыться, а не найдёт воды – хотя бы помочится на ладони. Даже самый усталый Хмурый при таком нежном свете не станет таскать за волосы первую попавшую женщину.

[Молодой У] смотрел на руки Кулапа.

Ничего, что одна рука сохнет, а ноги – одна короче, другая длиннее.

И всё равно жаль. Пока имел одинаковые ровные ноги, всегда хотел подкараулить Луну, ударить копьём, принести в Пещеру. [Думал] принесу Луну, нежным светом подманю Людей льда, отнимем у них *железное*, несогласных зарежем. Пусть не по правилам. Это ничего. Правила придумывают сильные. Будет *железное* в руке [молодой У] поднимется на горбатое плечо горы. Всплывёт Луна, зальёт мир белым светом, ударит Луну в сердце, принесёт в Пещеру.

Прыгают тени, пляшет огонь костра, на стенах – хитрые кривые линии, сложные знаки, олешки несутся. Искусство – от борьбы с темнотой. При нежном лунном свете светящейся шкуры хромой Кулап использует всё: тёртый зелёный камень, синюю глину в обожжённом горшке, кислую глину в другом горшке, чёрный древесный уголь – смело мешай со смолой, с жиром, а надо залить трещину в камне, вот тебе тонкая трубчатая кость – дуй. Смело дуй. Это не все умеют. А хромой умеет. Если бы не поломали ему сразу все ноги, принёс бы в Пещеру Луну, наломал бы хвостов с той звезды, что торчком стоит над *самым краем*. У хромого Кулапа – жёсткие кисточки из усов убитых Тумосов, костные трубки [действие *сьев*] чтобы дуть. На каменных стенах Пещеры – многие кривые линии, многие ощеренные хищные звери, многие отпечатки жадных человеческих рук. Воздух дрожит под ударами кожистых крыльев, когда летучие мыши срываются из своих тёмных галерей. Даже при факелах всё

перь – при свете.

[Мучился] зачем Тора убегала к Людям льда?

Ну, называют себя Прямыми, что с того? Летом и зимой в пути, никакого отдыха, – бредут по гнилым гиблым болотам, пересекают снежные пустоши, ловят зверей в опасном лесу, как живут, непонятно.

Пещерные так не любят.

Пещерные спят под кровлей.

Пещерные на пустошах ловят пузатых кабанчиков, дерутся с медведем, пожелавшим уснуть в Пещере. Расправляют широкие плечи, медведь отступает. Всегда под ногами обглаженные кости [и медвежьи], стена покрыта смутными знаками – каждый выбит резцом, при лунном свете не отведёшь глаз. А Тора что видела у Прямых? Почему никого не родила? Зачем убегала, если сама вернулась? Пещера бесконечна, в ней тепло, в ней сухо, в ней не заблудишься. Бренчи зелёным браслетом.

[У Прямых] с кем жила?

Бормочет: *гидрав* [многим нрави-лась].

Показывает крепкие ровные зубы: *Ным таго*.

А почему *ным*? Почему *таго*? Почему не говорит, как все Пещерные? Люди льда [называют себя Прямые] живут в низких долинах, не боятся гор, бродят по берегам рек, в лесах, под [хвостатыми] звёздами гоняют больших зверей, не любят дымных пещер. Убив, обдирают олешков, шьют лёгкие маклуки [так называют], от зимних ветров скрываются в деревянных шалашах. Они иногда горят, почему?

Только Дети мертвецов живут хуже.

[На Плоском камне] что увижу?

Качал головой.

Плоский камень – прямо под Зеркалом.

На Плоском камне – подарки. Внизу – большая река.

Если плыть по холодной быстрой воде [Люди льда умеют], рано или поздно встанет в пропасти небес двойной звёздный хвост – торчком.

Хромой Кулап видел.

Теперь хромает по Пещере с резцом в руке.

Повторяет слышанное от Торы: *сел кабу, ин хел*.

У Людей льда много слов. Тора принесла некоторые. Часто [хромой Кулап] повторял: *сел кабу, ин хел*. Почему *кабу*? Почему *хел*? Ворчал в тёмном углу, перед кру-

гами, выложенными из ломаных сталактитов [круг в круте, три раза], перед дочерна обожжёнными медвежьими костями, а на каменных стенах при свете пляшущего огня показывали клыки и когти недобрые разные звери, среди них совсем страшные, таких никто не видел, только Кулап говорит, что такие есть. [Говорит] что такое можно увидеть в Зеркале. Он, Кулап, на обе ноги хром, у него рука сохнет, следы укусов на руках, левом боку, – *знает*.

Какой такой оставил следы укусов?

Хромой Кулап прямо [указывал]: *не-названный*.

В подарках, оставляемых Людьюми льда на Плоском камне, тоже встречается неназванные. Разное. Непонятное. А зачем? Для чего? Как понимать такое, что никак не поймёшь? Люди льда смеются над Пещерными. [Указывают]: квадратные волосатые, – сами догадайтесь.

Показывают локоть.

А Тора от них всё равно сбежала.

[Прямо] сквозь Зеркало – на Плоский камень.

Хмурые видели, как Тора выскочила прямо из тёмного Зеркала.

На Плоский камень выскочила – босая. Слов своих нет, растеряла на бегу, только чужие на языке: *кийсвол*. Как такое понять? Зиму провела у Прямых, почему опять не осталась? Почему раньше не сбежала?

Объяснить не могла. Может, не захотела.

Когда-то давно [вырезано на каменной стене] в Пещере жил тощий Лу, – мечтал куда-то сбежать, но никуда не убегал, сидел у тихого огня, говорил плохо, зато бесконечно придумывал слова, которые сам не понимал.

Ваналам вод. Кому такое понятно?

Или: *ди лай, дупуда сай пуда*.

По жестам видно, что каждое слово произносит правильно, но так, будто видит перед собой что-то туманное, может, моросящих Розовых. Не говорил – что. Тощего даже били – для ясности. Но Пещерные женщины жалели: как тощий Лу объяснит такое? Вы – охотники, а не знаете. Вот вам и *пуда сай*.

[Опять] холодок по затылку.

[...] с голых кустов. На земле листьев много.

Ночи проводил у тлеющей колоды. Низкий дым, комары бояться.

Прислушивался. [Помнил приметы]. Гусь линялый – к потере. Воду во сне пить

– остерегись. Хромой Кулап [в Пещере] уверенно подтверждал: остерегись. А чего? Ну, мало ли. Хромой [говорил] в лесу ночью услышал приближающийся шум, рёв большой воды, будто сразу со всех сторон шла. Бежать не стал, [чувствовал] не успеет. А когда рёв утих, земля вокруг, камни, кусты – всё вокруг осталось сухое. Что такое произошло по ночному лесу? Хромой не знал. Да и зачем?

Молодой У [тянулся] взглядом к любимому пятну.

В лесу везде неизвестное. Томило узнать, а там что?

А вот за тем деревом? А за тем завалом? Кто следит из смутной неизвестности, обжигает затылок взглядом? А за тем поворотом, в шуршащем падении жёлтых и красных листьев, в сухой тени, в рябых солнечных пятнах? Вдруг хрустнет ветка, откатится камешек, прыгучий заяц фыркнет. Заяц – друг. Вкусный, бодрый. В лесу невидимая птица вскрикнет сдержанно, понимает: свой [Пещерный] идёт. [Молодой У] к Плоскому камню идёт. Тут дорога одна.

Вдруг гибкая тень в листве.

Если сытая – друг. Если голодная – обойду.

[Думал] сытый враг – друг. Личинки под корой, смуглые дятлы, рыба, выпрыгивающая из воды, выдра на берегу, Розовые в небе. Пока не моросят – друзья. В сырых местах комары, этих много, всегда голодные, не хотят быть друзьями.

[Уже] несколько дней шёл, а Большая щель шире не становилась.

Совсем один на узкой тропе, на лысых прогалинах. Тревожно поводит носом.

В воздухе – запахи, много запахов. Очень всякие есть. Сломано дерево, смята трава – запах, ночью дует с реки, с обрывов катятся камни – запах. Разводил ветки [чувствовал] чужой взгляд. Запахи не казались злыми, но взгляд – чужой. Тянул широкими ноздрями, значительно сосал воздух. А кто там прячется в листве? Кто таится на каменистом берегу? Ну, большие берёзы стоят на склоне, растут прямо вверх, а зачем маленькие всегда внизу, скорченные, мятые, маленькие среди камней, побиты ветром, в чёрных узлах и наростах, как в бородавках; а под ними влажная куропачья трава, тихая красная камнеломка, толокнянка, подорожник – друзья.

Ахамахамахама.

Месяц сохнувших листьев.

Кармин, охра, багрец, блеск мокрой

чешуи, тлеющих углей, пепел.

Ночью [без сна] у дымящейся колоды думал: что увидит на Плоском камне?

Будет там взгляд в затылок? Чей взгляд? Про некоторых [друзей] уклончиво говорят: вот обитатель чаши. Не терпелось увидеть. А что оставили Прямые на Плоском камне. [Надеялся] железное. Где такое берёт? Рубит дерево, кость, камень, всё рубит. Называется железное. Потом [в урочное время] Прямые придут за отдарками. Всегда приходят. На тропе силой отобрать могут, а на Плоском камне – только обмен, из-под Зеркала ничего незаметно не унесёшь. Розовые с неба всё видят, смеются, растянулись над миром, кутаются в облаках – из-под Зеркала незамеченным никто не уйдёт. А если уйдёт, руки отсохнут, глаз вытечет. Упустил богатую лису во сне, на охоте встретишь другую, а вот уйдёшь с Плоского камня с чужим подарком в руках [без отдарка], даже старая Канья не скажет «хопошо». Проверено.

Каждое дерево, каждый куст видят, кто и что берёт с Плоского камня, дятлы стучат, кукушки перекликаются. Люди льда всегда на ногах, у них – железное. Их не проведёшь. Всего только зиму провела в их шалашах Тора – устала. Сама вернулась в кислую тьму Пещеры.

Теперь бормочет: хола деть ха.

Как такое понять?

Бормочет: мабротабар.

Зачем такое вслух произносит?

Понятных слов у Прямых мало, зато у них есть железное.

У робких Тумосов такого ничего нет, а Розовым вообще ничего не надо, кроме попутного ветра. Всех развлечений у них – дождём просеяться.

Ступал осторожно. Затылком чувствовал взгляд.

Ахамахамахама. Пусть смотрят, показывал локоть.

[Знал] Хмурые вслед идут – тоже к Плоскому камню.

Тайно идут. Не должны идти, а идут. Нет страха, есть сила.

Плечи широкие, рты большие. Обычно несут на Плоский камень вяленое мясо, корешки, травы, хорошо высушенные грибы, а с Плоского камня забирают подарки. Потом приходят Люди льда, берут оставленное для них: вяленое мясо, корешки, травы, хорошо высушенные грибы. Просто так ничего не берут. Правда, Тору взяли. Но Тору Прямым никто и не предлагал, она сама

убежала к ним. А потом и от них убежала, бормочет непонятное, бренчит зелёным браслетом. Это Розовые вообще в обменах не участвуют, им ничего не надо, проливаются коротким дождём. Омытые влагой, становятся прозрачными оставленные [Прямыми] каменные пластинки. Каждая шириной в ладонь, тонкая. На каждой – дыра: удобно носить у пояса на кожаном ремешке. На пластинках можно объяснять путь – белым камнем, мягким. Прямые всегда уверенны. Прямые ступают твёрдо. Пока такого не проткнёшь копьём, он не верит, что ты сильнее. Камень умеют пускать издали. Камень – друг, пока лежит на земле. А когда летит, криком не остановишь.

Прямые далеко ходят.

Они знают, что там, вдалеке.

И там – за рекой, и там за горелым лысым холмом, и за огромной снежной горой, на горбатое плечо которой хотел подняться Кулап [когда хромым не был], и там – на самом краю Большой щели. Они знают, какие звезды горят по ту сторону безмерных гор, куда и сколько воды уносит воды река, где её вода кончается? Знают, почему некоторые звери набрасываются на человека сразу, а другие долго томят, ждут, преследуют. [Взгляд на затылке]. Долго ждут, долго преследуют, потом всё равно набрасываются. Люди льда знают, что растворено на чужих дальних берегах в холодном неверном лунном свете, когда голодных много, а сытых совсем нет. Они знают, почему вдруг выбегает на сухие травянистые склоны прыгающий дикий огонь, почему чёрный дым душит. Они знают, почему с неба падает длинный шумный огонь. Это у тихих Розовых нет ни рук, ни ног, не могут пинать, бросаться, просто плывут в воздухе, правда, с высоты видят тех, кто прячется под кустами, даже тех, кто зарылся в землю. Под каждой травинкой, камнем, под сухими и влажными мхами, в листве, в гнили среди червей, ящериц, пауков есть кто-то умеющий бросаться огнём. [Взгляд в затылок]. Даже в пучке сухих лиан, в струящейся воде холодно, в порывах свежего ветра, в душной мгле, в развалинах скал на обрушенном берегу много такого, что не назовёшь другом.

А как назвать? Как перестать бояться?

Перестанешь бояться, потеряешь чувство опасности.

Люди льда, Тумосы, Мохнатые, Розовые, вообще чужие – действие съев.

Даже Дети мертвецов – съев. Как накормить всех?

[Обширное незнание] томило молодого У.

Чувствовал взгляд затылком. Ахамахама.

Кто смотрит из неизвестности? Безвредная зверушка, плоская, будто ущемлённая камнем? Липкая гусеница, похрустывающая зелёным листком, паучок, перебирающий лапками в воздухе? Всё живое. Бурндук ест жука. Друг ест другого друга. А вот рыба молчит, плещется в воде, только иногда подпрыгивает, как весёлый Гу-Гу, не воет подолгу *уууууууу*, как дикий Зе, не бормочет, как Тора [*хола деть ха*], не раскидывает прозрачные плавники [...].

III

Почему горы?

Почему высокие, снежные?

Почему каменные плиты на речном берегу так мощно надвинуты друг на друга? Кто так делает? [Помнил] визг Ламаи: зачем посылать к Плоскому камню [молодого У]? [Помнил] переглядывающихся Хмурых: сидящих на корточках Харр-пака [не поднимаю глаз], Хурр-апа [кивающего], Харрана и Пурра – квадратных братьев [тёмные волосы, низкие лбы]. Ламаи пусть визжит, смотреть подарки всё равно пойдёт молодой У. Хмурые [даже те, кто ещё не имел имён] нужны на охоте. Поздняя осень на исходе. Совсем на исходе. Сердитые оленные быки скоро уведут свои стада к дальним долинам. Пойдёт на Плоский камень [молодой У]. Хмурым нужно *железное*. На Плоском камне [молодой У] оставит многие камешки [знак желаний]; всё остальное Хмурые возьмут силой. Братья Харан и Пур согласно качали низкими лбами. Будет *железное*, вытесним Прямых из речной долины [...].

Листья шуршат.

Последнее тепло.

[Всем] затылком чувствовал чужой взгляд.

Может, это Розовые сверху смотрят? У Розовых тоже много вопросов. Не понимают, дивятся, зачем Пещерные ходят на неловких кривых ногах, зачем Прямые годами кочуют по неудобным пустынным землям, если можно просто плыть в чистом небе? Вот Кулапу сломали все ноги, он теперь сидит на каменном полу. Рыбы не уходят из реки, тоже умней Прямых.

[Молодой У] ускорил шаг.

[Знал] по его следам идут Хмурые.

Осторожно идут. Не давая знать о себе, идут.

Харр-пак [волосатый] впереди. За ним Хурр-ап [кивающий], братья Харран и Пур [низкие лбы] тоже с копьями, а за ними те, у кого даже ещё имён нет. Отнимут подарки, получают настоящие имена. Богатые подарки – богатые имена. Всё случится, как задумано Хмурыми. Услышав стоны и вскрики, Розовые в испуге спрячутся в облаках, затянутся плотной дымкой. Затрепещет лес, заткнётся кукушка. Молодой У [остро] чувствовал: он не один на тропе. [Помнил] на руке Торы браслет из зелёных камней. Дойду до Плоского камня [думал], отмечу нужные подарки, остальное сделают Пещерные с копьями.

Под ногой [хрустнуло].

[Увидел] рассыпающаяся кость.

Жёлтая, сухая, трубчатая, давно растрескавшаяся.

Краем глаза видел: у самого берега стоят в холодной прозрачной воде сонные рыбы – сердитые и горбатые. Не хотят [льда, зимы, долгого ожидания]. Терпеливо выждал, и вдруг пронзил кремнёвым ножом самую сонную, самую горбатую; распластал, обсосал каждую косточку. И ничто не шевельнулось в лесу, на берегу, в тёплом воздухе, только холодок в затылке не пропал.

Потом сгустились сумерки.

Над Большой щелью вспыхнули звёзды.

До Зеркала ещё далеко. [Смотрел] на звёздную дорожку.

[Думал] почему на горах снег? Почему Тора часто произносит слово *хима*? Это Прямые так говорят. И Тора так бормочет. *Хима*. А ещё *хима кимол*. Тоже про снег, только по-другому.

Нунакен, нунилб, бормочет.

Долго тянет, как настоящие Люди льда *нуууууун*.

До бегства к Прямым так дразнила [молодого У]. Часто подмигивала, тянула длинные слова, выводила долгое *уууууууууууу*, – теперь молчит. Пещерные женщины сердито отталкивают Тору от огня, сердятся на брэнчание зелёного браслета, хотят сами носить такой на своих руках, но рук много, а Тора умеет взглядом останавливать самую драчливую.

Звёзды смотрели с узкого неба.

Тёмные вершины светились – заснеженные.

Лежал, голова тяжёлая, ноги-руки как выросли в землю.

[Думал] почему снег? Почему над Большой щелью ночью так много звёзд – холодных, не греющих? Куда течёт бесконечно мерцающая звёздная река? Почему среди видимых звёзд нет ни одной хвостатой? Кто следит за [молодым У]? *Вдруг* Люди льда? *Вдруг* хотят взамен убежавшей Торы взять в свои шалаши его [молодого У]? У Прямых *железное*. Где берут? Ловкие, быстрые, одетые в тонкую удобную кожу зверей любят с воплями окружить врагов, набрасываются на врагов всей стаей, не любят выходить один на один.

Звёзды мерцали.

Воздух отдавал горелой травой.

Про звёзды всякое говорят. Вот совсем не греют.

И Луна не греет. Правда [молодой У] и не собирался пускать её на дрова.

Чтобы осветить Пещеру [молодому У] понадобятся крупные лунные куски, целые глыбы лунного света, длинные ленты серебристо-светящейся шкуры. У Луны хвоста нет [даже нераздвоенного], у неё лап нет, ничего лишнего, [молодой У] сразу обдерёт с убитой круглую шкуру. Пещера тёмная, в её глубине редко мелькают убогие светлячки. Убью тучную Луну [решил], развешу на каменных стенах длинные ленты чудесно светящейся шкуры, высвечу все углы. Лунный свет обрадует даже Тору [*беглую*]. До того, как сбежала, часто [как все] хихикала, визгливо переругивалась с подружками. Была совсем настоящая: слой пота и пыли на темной коже никакое насекомое не могло прокусить; а вернулась тихая – босиком, с браслетом, покусанная комарами. Даже хромой Кулап не знает, чему учат Люди льда [называют себя Прямыми] убежавших к ним чужих женщин [...].

Однажды поднимусь на гору [решил].

Однажды [взойду] навстречу восходящей Луне.

Тучная – светится, серебрится. Длинным копьём ударю.

Что из этого выйдет? Сам не знал. Но хватит Луне освещать прихотливые извилистые тропинки Прямых, пора ей осветить Пещеру. Про хвостатую звезду пока не думал. Если есть такая, никуда не денется. И до неё доберусь, раздвоенный хвост растяну по бесконечным подземным переходам, тогда света хватит всем, даже хромому Кулапу.

[Вспомнил] Пещеру.

Центр всего плодящегося.

Тумосы, Люди льда, даже Розовые, даже Мохнатые, даже Дети мертвецов жи-

вут, шумят, плодятся, всё равно настоящий центр всего плодящегося – Пещера. Далеко от неё [под ниспадающими с неба сияниями] бродят в снегах Люди льда – светловолосые, злые, недокормленные. Из каменных ущелий [размытых ливнями] спускаются в Большую щель Тумосы – измученные, жалкие, слепые от жадности. У них в головах: действие *сьев*. А [в небе] всегда Розовые. Нескончаемые рябые ряды. Не убьёшь копьём, не запутаешь в сеть, просто плывут над снежными горами, над тёмными реками. Куда? Никто не знает. Плывут над обрывами. Зачем? Тоже никто не знает. Падают с гор ручьи, воду разносит ветром, кремнёвые осыпи омываются ливнями, а *железное* всегда только у Прямых. Почему? Не знал. Но, когда добудет Луну, Пещеру издалека будет видно, и уже не к Прямым, а на свет Пещеры потянутся тайком чужие женщины.

Опять поёжился от невидимого взгляда.

Помнил, помнил действие *сьев*. Всегда помнил.

Но бояться зачем? Идут [за ним] по тропе Пещерные.

Идёт волосатый Харр-пак, кивающий Хурр-ап, идут низколобые братья Харран и Пур, а за ними те, у кого ещё нет имени. Набежать, ударить. Люди льда не успеют вскрикнуть. У них глаза синие. Они рукой чешут колено, не сгибаясь, такие длинные руки. А всё равно не успеют. Они увели Тору, а почему не родила? Почему не осталась в лесах, на реке, на далёких оленных бродах? Почему сбежала с браслетом на руке, бренчит зелёными камнями, бормочет: *хима*? Почему морщит маленький нос, опускает глаза? *Хима кимол* – это тоже про снег? Хромой Кулап [уверенно] говорит: про снег! – только по-другому.

Поёжился. Тора сама убежала к Людям льда, – почему?

Сухая Пещера – центр всего. Из Пещеры не бегут на край сырой земли.

Там действие *сьев*, а в Пещере – хорошо. Там – под холодными звёздами сумеречно, Луна не греет, у Людей льда глаза злые. Там – льют дожди, выходят из берегов реки. Светлые волосы, крепкие зубы. [*Кожу сморщило время*]. Там – всё меняется, течёт. [*Валуны превратило в песок*]. Всё меняется.

Как такое сказать одним словом?

Нунакен, нунилб?

Это Тора знает, не он.

Над ним узкое небо. И Большая Щель узкая.

Что там вдали, за мощными снежными горами, – не видно.

[Говорят] на *самом краю* живут косматые люди, короткие, вёрткие, как барсуки, быстрые, блестящие, как рыбы на перекатах. Там, на *самом краю*, есть женщины с чёрными, как уголь, волосами, [никого] не боятся, кусаются, как росомахи. Очень страстно мечтают: *сьев*. Ничего другого в их кудлатых головах. Зато всегда под рукой – *железное*, а во ртах – поблескивающие клыки. Всё большое, всё острое. Мало им обычных размеров [...].

На рассвете крикнула кукушка, будто позвала.

[Молодой У] поднимался к Плоскому камню неторопливо.

Издали различил в траве поблёскивающее. Может, птица подхватила что-то с Плоского камня, но, не набрав высоты, опомнилась, бросила испуганно? не надо ей! – теперь вот лежит [...].

Зачем птице браслет?

Тяжёлый, на лапе не удержишь.

Раздвинул желтеющую сухую траву руками.

Зелёный. Нежно зелёный. Такой бренчит на руке у Торы.

[Молодой У] наклонился, и солнце будто взорвалось в камнях валяющегося в траве браслета, блеснуло, вспыхнуло, занялось, камни оделись нежным облаком изумрудного оттенка, искрами, как над водой в быстрых прозрачных заводях. Краем глаза всё видел: невысокие кусты, мятую траву, камни, а выше, ещё выше – многие слои плоских омытых водой камней. Там – Зеркало. Там [говорят] Тора вышла из Зеркала. Босиком, одна. Вскрикивала.

Бросил находку в сумку на поясе.

Медленно поднялся к Плоскому камню.

Крутой каменный откос, многие каменные, шершавые, побитые грозами и ливнями плиты, над ними пласт породы – как обрезанный ножом, блестел, пускал острые стрелы ярких световых отражений. А сверху прозрачная вода натёками выбрасывалась на плоский срез.

Это и есть Зеркало?

Ку-гу, – подтвердила кукушка.

В Зеркале, будто наклонном [это молодой У выпрямился] отразилась река – тусклый блеск, нежная рябь, тёмные умытые камни. И какая-то тень.

В Зеркале? Друг?

На этот раз кукушка промолчала.

Широкий, квадратный, пригнулся, почти присел; сильные мышцы горбили квадратную спину, – кто нападёт на такого?

Никого не нашлось. Только рыба плеснула в реке.

Нескончаемая вода безмятежно катилась и катилась к *самому краю*, к тому месту, где могла совсем кончиться. Розовые бесшумно играли в небе, отбрасывали нежные тени, [хорошо знали] никто до них не дотянется, *плыли, подмигивали*. Огромные снежные вершины под ними тесно сжимали Большую Щель.

[Знал] Пещерные на тропе.

[Знал] Пещерным нужны подарки.

Но снова мелькнула тень. Снова – в Зеркале.

Внутри мелькнула. [Молодой У] отчётливо видел.

Выглянула, будто в смутное, залитое струями воды окно.

Выглянула быстро, не таясь. Показала локоть. Ничего не боялась.

Широкое лицо, ровный нос, скулы, рыжие, будто ржаво-рыжие волосы до самых плеч. Быстро моргнула. Опять оскалилась, показала локоть. У Пещерных женщин таких волос никогдане бывает – цвет ржавого речного обрыва. Быстро глянула, нисколько не боясь [молодого У], застывшего в сухой траве среди серых и жёлтых [даже белых] костей, опять бесстрашно моргнула. Смотрела [как злая тварь] изнутри тёмного Зеркала, ничего не знала о Пещерных на тропе. [Видела] только молодого У. [Видела] он один пришёл, кремнёвый нож на поясе. Показала локоть. Не знала ничего о Хмурых на тропе [копья отточены, засады определены]. Не знала, что скоро этот [молодой У] оценит выложенные Людями льда подарки и очень очень скоро [на обратном пути] встретит Хмурых: Харр-пака, Хурр-апа, квадратных братьев Харрана и Пура, крепких [ещё не имеющих имён]. Не знала, что набегут Пещерные, ударят Прямых копьями, как было задумано ещё в Пещере. Совсем не знала [ржаво-рыжая тварь], что прямо здесь – под Зеркалом для Людей льда всё закончится.

Так [думая] лежал в траве.

Всем видом, даже тем, как оглядывался редко, показывал ржаво-рыжей [твари] – он не боится. Пусть даже действие *съев*, он не боится. [Знал] у Пещерных копья наточены, тяжёлые кремнёвые ножи на поясах. Чувствовал злобный взгляд из Зеркала. Другим взгляд не мог быть. Пусть смотрит.

Если вернулась искать потерянный браслет [в траве], не отдаст. Самому такой нужен. Чтобы брэнчал на руке. Женщины Пещерных бегают к Людям льда, а он [ржаво-рыжую] приведёт в Пещеру. Краем глаза [без интереса] наблюдал за происходящим, играл с тучными кузнечиками. Но чувствовал, чувствовал, опять чувствовал тяжёлый чужой взгляд. Помнил: никому не позволяй подходить близко: действие *съев*.

Он и не собирался.

О-а! Пусть. Ему в сухой траве хорошо.

[Ржаво-рыжей] в Пещере тоже будет хорошо.

Конечно, в Пещере под утро душно. В Пещере под утро пахнет отдышкой, кислым, тяжёлым, под утро там темно, кашляют, сопят, вскрикивают во сне, в дальнем зале воеет неутомимый Зе: *уууууууууу*. Не знает, что [тот, кого зовёт] играет с кузнечиками. Схватит жёлтого в ладонь, потом разжимает пальцы.

Изумлённый кузнечик важно отпрыгивает.

Не хочет пугаться. Делает вид, так нужно.

Солнечный свет. Трава.

Здесь Тора вышла из Зеркала.

Ахамахамахама, как такое можно?

Запахи, паутинки в воздухе. Тора [говорят] вышла из глубин каменного Зеркала. Не знали – как, но вышла. Боялись, что вслед за Торой выбегут из Зеркала Люди льда, выбегут, как оленные быки.

Но такого не случилось.

Колючая травинка щекотала щеку.

Кузнечик вдруг перестал ногой извлекать звуки.

Краем глаза [молодой У] видел влажное каменное Зеркало.

О-а! Смотрит сквозь влажный [наплывы воды] камень совсем особенная ржаво-рыжая тварь [когти наверно выпущены]. Нет, не тварь... женщина... у особенных тварей совсем другой запах... [Молодой У] играл с кузнечиком, краем глаза следил за отраженьями в Зеркале. Как Луна – лицо. Может, в темноте светится?

[Видел] как жадно раздуваются ноздри.

Закутана в тонкую выделанную кожу, в такой и в зной не сомлеешь.

[Чувствует] *вкусное*. [Знает] в день Пещерных никому нельзя находиться на Плоском камне, но она ведь и не на камне, она в Зеркале. Ржаво-рыжая, такие же прядки падают на лоб. Не видел рук [может,

правда, с когтями], помнил, что у Людей льда тоже есть человеческие имена. [Помнил]: Аруш... Атлей... Ещё Хишлаб – очень страшное... Какие-то ещё имена. Ширши... Пура... Может, женские?.. Ржаво-рыжей [в Зеркале] любое подойдёт.

А внизу – река, каменистый берег.

[Думала] глупый Пещерный играет с кузнечиками.

Пусть так и думает. Будто [беспечно] грелся под солнцем.

Нежные тени Розовых – высоко в небе. Внизу в отблесках солнца большая река [тоже с отблесками], в ней – Розовые, как рыбы в небе. Краем глаза [видел]: у ржаво-рыжей волосы – до самых плеч.

Когда выйдет, уведу в Пещеру.

Может, браслет вернёт [найденный в траве].

Пусть [Пура или Ширши, с ней Тора] обе бренчат браслетами.

Пусть воеет в отдалённом зале неутомимый Зе [уууууууууу], пусть сердитые женщины выпячивают губы, требуют от Пуры или Ширши [упорным трудом завоевать право остаться в сухой Пещере].

Зеркало рябило, как защитная хвойная перегородка.

Помнил бормотание Торы. *Хима*, так бормочет. *Снег*. Всегда снег.

Ахамахамахама. Люди льда живут в больших снегах, у них есть *железное*. У них нет Пещеры, нет тёплой, сухой, зато есть *железное*. В Пещере [помнил] Тора бормочет: *хима*. Когда-то дразнилась: *уууууу*, молодой У испуганно оборачивался, а теперь [уууууууууууууу] зовёт дикий Зе.

[Зачем] показывает крупные зубы?

[Зачем] губами шевелит, как Тора, только лицом шире?

Если думает: скоро действие *съев*, то [пока] вслух не произносит.

В лесу, на берегах реки, на пронзительных ветрах с дождём, в снегопадах, под грохочущими, как гром, каменными лавинами, даже в топких серых болотах Прямые помнят действие *съев*. Ржаво-рыжая не отводила голодных глаз, смотрела [на молодого У] из тёмной зеркальной смуты.

Сам не знал, зачем [произнёс]: *хима*.

Что знал, то и произнёс. Ахамахамахама.

А ржаво-рыжая посмотрела так, будто знает даже то, чего ещё просто никто не знает; так, будто знает, что этот [молодой У] скоро убьёт Луну, оставит изумлённых Людей льда в чёрной морозной тьме, зато

обильно высветит все уголки Пещеры.

[Опять] показала зубы.

Встрянула ржаво-рыжими волосами.

[Думала] у этого Пещерного не получится.

Показала локоть. Не может получить такое хитрое у простого квадратного [молодого У]. Люди льда, робкие Тумосы, беспечные Розовые, даже далёкие-далёкие Мохнатые, даже тусклые медлительные великаны и жадные юркие карлики *самого края* все [знают]: не получится.

Шепну: «Обмен?»

На Плоском камне такое все понимают.

Лицо у особенной дрогнуло – широкое, чистое, без тёмных пятен, какие остаются после частых отморожений, не бледное, не иссушенное ветрами, не побитое ранними прихотливыми морщинами [*валуны превратило в песок*]. Не понимал, как такая [особенная] живёт не в тёплой Пещере, под открытым небом, как ходит на охоту, мёрзнет, тонет в болотах, карабкается сквозь ломающийся мёрзлый тростник, царапает мужчин, приходящих не вовремя. Ну да, в Пещере бывает душно, в Пещере воздух застаивается, стонут Пещерные, кашляют, пахнет кислым, злым, взвизгивают женщины, стены сочатся холодом, зато нет никаких пронзительных ветров, никакой медведь не решается войти. Ну, постоит у входа, обиженно отвернётся. Не хочет, чтобы ему показали локоть. Спустится к реке [думая] подожду человека на берегу, сделаю вид, будто принял за большую утку, заломаю.

Лицо ржаво-рыжей в Зеркале туманилось.

Непослушные волосы приподнимало невидимым сквозняком.

«Снежное время». О-а! Но трава ещё сухая, кузнечики играют охотно.

А вдруг в Зеркале кто-то ещё есть? Вдруг там прячутся другие Люди льда? – пришли отнять у Пещерных сбежавшую Тору.

Ахамахамахама...

Пещерных [Люди льда] считают тупыми.

Меня не тронут. Меня – нельзя: считаю подарки. Отмечу нужные, уйду. На тропе можете убить [Хмурые не дадут], но не на Плоском камне.

Показал локоть. Ржаво-рыжая [в Зеркале] отшатнулась.

[Помнил]: Хмурые давно на тропе. Внезапно ударят. Прямых уже никогда не

будет в Большой щели. Пещера – Центр мира. Чужие никому не нужны, только воздух портят. Уведу в Пещеру ржаво-рыжую, назову Пурой [Ширши], научу играть в до-до, брошу на мохнатую шкуру медведя. Испуганную Тору рядом на шкуру брошу. Пусть греют в холодную ночь [...].

IV

...как особенная остаётся в камне? Как входит в Зеркало? Как теряет браслет у Плоского камня, где в эти дни могут находиться только Пещерные? Почему Люди льда [называют себя Прямыми] идут и идут в тесную Большую Щель?

Поднялся на Плоский камень.

[Камень] большой, со стороны реки обгрызен, оббит, обломан, но поверхность везде ровная, на ней – подарки сложены горками. Тут же речные камешки – горками. Понравился подарок, положи рядом камешки. Сколько камешков, столько и принесут, добавят.

Смотрел.

Ни к чему не прикасался.

Зачем? Придут Хмурые, заберут всё.

Сейчас главное – указать, чего добавить и сколько.

Люди льда ещё принесут. Сколько укажешь, столько принесут. Такое правило. И сами обложат камешками нужное им среди твоих отдарков.

Любят *вкусное*.

Такая договорённость.

[Молодой У] раскладывал камешки.

Пусть всего будет много, пусть несут, сколько могут.

Больше никакого обмена не будет. Даже Людей льда больше не будет.

Хмурые всех убьют. А которые останутся, уйдут к снежным долинам. Всё, что в Большой щели бегаёт, летает, плещется – теперь для Пещерных! Робких Тумосов отгонят Люди льда [оставшиеся в живых], Розовые [в ветреный день] – сами рассеются. А вокруг убитых на Плоском камне Хмурые бросят жалкие вещи Тумосов. Специально бросят. До самого края реки все знают: Тумосы – небрежные, торопливые, всего боятся, всегда что-нибудь забывают после себя. Об этом [знает] хромой Кулап, [знают] братья Харран и Пур [низкие лбы], квадратный Харр-пак [волосатый], квадратный Хурр-ап [кивающий], другие. Вот Люди льда [вновь пришедшие] так и поймут: это Тумосы.

Это всё Тумосы!

Это они убили и убежали.

Потрогал сумку с брошенным в неё браслетом.

Каменный браслет не в подарок, его [молодой У] сам нашёл. Увидел валяющимся под ногами и поднял. Если обронила Ширши [Пура], получит его в Пещере. Пусть брэнчат с Торой.

Глаза горели, так нравились подарки.

Тонкие шилья-проколки, настоящие костяные иглы.

Рядом горка мелких камешков – округлые, набраны у реки.

Не считая, выложил ровную горку рядом с шильями и иголками – пусть несут, сколько есть, всё равно самим Людям льда многое больше не понадобится.

Центр мира – Пещера.

Теперь [и навсегда] – только так.

Перед хрупкими футлярами для хранения хрупких костяных игл молодой У выложил ещё одну горку камешков. Повыше первой. Лёгкие трубчатые кости птиц [футляры] удобны. Женщины [Пещерные] будут взвизгивать, издали откликнется волчьим воем Зе [уууууууууу], настаивая на справедливой делёжке. В Пещере теперь – преимущество. У молодого У. Ведь это он приведёт в Пещеру самку Прямых, поставит [ржаво-рыжую] рядом с Торой.

Mou!

Никто не поспорит.

Mou! Вот два светящихся в темноте браслета.

[Пура] блеснёт зубами. Может, не Пурой зовут, а Ширши, всё равно блеснёт зубами. Тора тоже не оттолкнёт, всем нужны такие футляры с иглами. На каждой кости выжжен знак: тонкая спираль. [Смеясь] женщины растолкуют.

А вот плоские каменные пластинки.

Тонкие, прочные, с дыркой, просверленной в одном из углов.

Пропусти сквозь дырку кожаный шнурок, носи пластинку на поясе.

Чёрные, крупнозернистые, некоторые с розоватым оттенком, – все такие пластинки заберёт хромой Кулап. Он умеет. Он мягким белым камнем оставит на выбранной пластинке указание пути, по которому можно добраться даже до таких мест, где когда-то бывал только сам Кулап. Пещера – центр света. Отсюда начинаются все пути [Кулап знает]. Ширши [Пура] скоро поймёт, что лучше лежать с сильным молодым мужчиной в тепле, чем таскаться с голодными

охотниками по стылým сугробам, убежать от взбешённых медведей, бояться скалящихся волков, тянуть сани с тяжёлой кровавой добычей, по пояс проваливаясь в снег.

Прочные крупнозернистые пластинки.

«Следи за сигнальным дымом».

«На реке пустой омут».

«Опасность».

Камешками отметил кремнёвые ножи.

[Рассердился] где железное? Только один [нож] лежал.

Всего один, зато рубит плотную кость, сухое дерево. Удобная костяная рукоять в насечках, рука не соскользнёт. Пальцем придвинул три камешка. Железное где возьмёшь? Даже у Людей льда мало. [Подумав] прибавил ещё один. Пусть принесут. [Подумав] придвинул ещё три. Наверно, столько не принесут, возьмём с убитых. Вокруг мёртвых тел небрежно разбрасаем вещи Тумосов, пусть все поймут: это Тумосы устроили. Робкие, потому особенно злые. Довольный хромой Кулап в Пещере будет [белым] рисовать особенные знаки.

«Нет опасности».

«За створом – отметили».

«Делать сигнальный костёр».

«[В этом месте] ждать остальных».

Что всё это такое и что из всего этого выйдет?

Когда [молодой У] принесёт в Пещеру Луну, разделять тучную будут железным, чтобы не потерять ни одного светящегося кусочка [обрывка]. При ровном лунном свете Пещерные забудут про страх. Везде светло. Дети в до-до будут играть в Пещере. Бояться некого: Люди льда побиты, Тумосы ушли, Розовые испуганно закрывают выпученные глаза, проплывая над Большой щелью. Никому больше не захочется убежать из светлой тёплой Пещеры.

Придёт пора, разберёмся и с Детями мертвецов.

[Вспомнил] визгливых пещерных женщин. Им – подвески из клыков медведя и лисиц, из жёлтых зубов марала, пусть повизгивают от радости. Им – бусы и ожерелья из неведомых волнистых ракушек, просверленные клыки небольших неизвестных животных [такие сверлить, как в гору лезть].

А вот – цветные дикие камни.

Вот деревянные палочки. Зачем?

Женщины разберутся, хромой укажет.

Вот тонкие подвески из скорлупы яиц крупной нелетающей птицы, говорят, живёт там, где начинается конец реки. Никто не видел [только говорят], но скорлупа – вот. Ржаво-рыжей понравится чинить одежду у очага, в котором огонь, в который не падают медленные снежинки. Под каменной низкой кровлей ржаво-рыжая самка [Ширши, Пура] очень скоро станет пахнуть как настоящая пещерная женщина, комары не прокусят.

Зелёный браслет – в поясной сумке.

До возвращения Торы в Пещеру – не видел таких камней.

Тяжёлые, зелёные, вдруг вспыхивают при свете, брызгаются искрами.

Теперь в Пещере будет два таких браслета. [Молодой У] убьёт Луну, разделает на куски, светящиеся лоскуты разнесёт по самым дальним подземным ходам, развесит по стенам. Все сразу поймут, что лучшие женщины у молодого У. Хмурые удивятся: это они убивали Людей льда [на Плоском камне], несли по снегам добычу, а лучшие женщины всё равно у молодого У.

Ахамахамахама.

Будут смотреть с уважением.

О-а. Молодой У знает больше, чем Хмурые.

[Отведём] текущую с горы воду, осушим Зеркало, никто больше никогда не убежит из Зеркала босиком. Тора начнёт, наконец, отвечать на вопросы. Как жила у Прямых? Почему не родила детей? Почему сама сбежала из Пещерных, а потом сама – от Людей льда? Какие сны видела в деревянных шалашах? Как Прямые лечат спину и ноги, зачем их самки бренчат браслетами, пугают живую еду?

Ахамахамахама. Не считая, придвинул камешки к груди подарков.

Пусть несут много, пусть несут разное. Показал локоть – мелькнувшей в Зеркале самке. Не смотреть на сохнувшую траву вокруг Плоской плиты. Зачем смотреть? Действие съев, на душе смутно. Кости жёлтые, потрескавшиеся. Кости матовые, омытые многими дождями. Белых [немного]. Одинокий череп смеялся [беззвучно], сквозь глазницы проросла трава, наверно щекочет. Ещё один череп в стороне – этот битый, с выломанным основанием, с трещиной на лбу. Может, обжаривали на огне вкусного Тумоса, грызли, смеясь, выплёвывали жилы: у нас железное.

А вот правая лопатка со следом колющего.

А вот жёлтое трёхгранное ребро, вот трубчатая кость – *вкусное*.

А вот обожжённые битые позвонки какой-то длинной [*вкусное*] твари.

Разделявали у большого огня, смеялись. Кулапу [когда не хромым был] повезло – выжил. Только поломали все ноги. С той давней встречи одна нога у хромого длинней, а другая – короче. На некоторых костях следы, конечно, оставил хищник с надломленными клыками, но сперва какой-то Прямой [*вкусное*] обгладывал мягкие места.

Холодок снова тронул затылок.

В примятой траве костяная фигурка.

Непонятное страшит. Почему костяная?

Человек-самка. Наверно, зоб большой, страшная, глаз косил, тянулась *вкусное* грызть. Ногой перевернул осторожно, готовый отскочить. Но костяная человек-самка не кусалась. В тёмной Пещере по утрам хромой Кулап бил такие, втаптывал в пыль, в мусор, кричал на трясущегося Гуй-Гуя: «Тучное где?». Тощие костяные и глиняные самки, они зачем? Кричал на трясущегося Гуй-Гуя: охрой вымажи головы своим тощим фигуркам, все увидят: самки Прямых. Нам зачем? Волосы ржаво-рыжие, кожа белая, круглая голова. «Тучное где?» Тощая самка даже при свете дня опасна. Руки в бока, на грудях насечки. О-а! Может резали такую, глядя на Ширши [Пуру]. Но лежи такая фигурка на Плоском камне, бросил бы рядом пару камешек, пусть кричит хромой: «Тучное где?».

[Спрятал] найденную в поясную сумку.

Подбросил камешков к *железному*. Пусть много несут.

Всё возьмём. А потом остальное возьмём – с побитых Прямых. Мёртвым *железное* не нужно. А когда насажу на копьё круглую Луну [думал], оставшиеся в живых Люди льда уже никогда не пойдут к Пещере [...].

Посмотрел в сторону реки.

Никогда раньше не бывал в этих местах.

Но кусты знакомые, будто перебежали от Пещеры к реке.

За кустами – совсем сухое дерево, на нём шерсть клоками: медведь тёрся.

Трава. Перистые папоротники.

В папоротниках и в траве – кости.

Лиса выгнала из-под скал бурундука, полосатый сердито фыркнул, оборачивался. Увидев [молодого У] лиса скрылась, бурун-

дук ещё обижнее фыркнул: ну, зачем выгнала? Вверху над медленно осыхающим чёрным Зеркалом – каменная стена, белая от лишайников. Убью Луну, вернусь. Приведу сюда Хмурых, совсем отведём воду, чтобы не шла [наплывами] на Зеркало. Пусть никто из него больше не выскакивает.

Наверно, Пещерные идут за мной.

Сейчас уже близко. Идут по тропе гуськом.

Впереди Харр-пак, волосатый, не поднимет глаз. За ним Хурр-ап, кивающий. След в след за ними братья Харран и Пур [низкие лбы], и другие Хмурые, даже те, у которых имени нет. Не зря идут. Получат *железное*. Хватит бояться действия *съев*. Хватит Пещерным женщинам убежать к Прямым; сожжём деревянные шалаши.

Вопросы кружили голову.

Почему деревья в лесу одного уровня?

Почему лианы тонкие, а дерево сжимают так, что оно задыхается?

Зачем чёрная ночь, если светят звёзды? Поведу [ржаво-рыжую] в Пещеру – будет кричать? Зачем хвоя одного цвета? Почему закаты напитаны густо-красным, будто Розовые устраивают действие *съев*? Кого они настигают на небесной тропе? Почему кусты растут на крутых склонах? Под обрывами удобного места много, а кусты всё равно ютятся на выступах. Почему лишайники вскипают на сухих камнях, как озёрца в жару, а берега расцветают шапками камнеломки, жёлтым маком, ряской на лужах? Где Люди льда берут *железное*? Почему у самок тонкая кожа [прокусывает комар]. Зачем самкам Прямых зелёные браслеты? Для кого Люди льда режут такие вот [похлопал по сумке] тощие костяные фигурки?

Последние листья.

Плоская вода наплывает на Зеркало.

Тёплый камень туманится, будто дышит.

Осторожно коснулся камня.

Ширши мал туми.

Явственно расслышал: *ширши*.

Это имя? Ржаво-рыжая самка – Ширши?

Хромой Кулап, квадратные Хмурые, даже дикий Зе [*уууууууууу*], даже Гуй-Гуй [рука кольцом] знают много непонятных слов, но таких никогда не слышал.

Ширши мал туми.

Хмурые не рассказывают о встречах с Прямыми.

Люди льда за один только вид могут любого зарезать, у них *железное*.

Хмурые иногда показывают зажившие рубцы, шрамы, [говорят] только в Пещере безопасно. У Прямых есть *железное*. Когда ходят вблизи, опасно для всех. С неба с испугом следят Розовые, передают увиденное Тумосам, [те] открываются Людям льда, – опасность. Люди льда – опасность. Не уследишь за течением вещей, потеряешь всё. [Не понимал] почему женщины к Прямым убегают, почему не думают о действии *сьев*? Наверно, косточки беглянок тоже валяются в траве и в папоротниках, а ведь Люди льда считают Пещерных грубыми. Считают, что Пещерные живут в вонючей норе. [Думая так] сладостно чувствовал запах тёмных закоптившихся переходов, запах каменной слежавшейся пыли. Теперь [будет жить] с ржаво-рыжей. И [будет жить] с Торой. С обеими. Ширши быстро поймёт, как это хорошо, – жить в сухой Пещере. [Узнавшие о таком] самки Прямых из далёких мест сами побегут в Пещеру. А Пещерные всех примут. Пусть визг и стоны. Пещера – центр света. Под кровлей её нет метелей.

Наплывы плоских струй сверху усилились.

Зеркало потемнело, будто, правда, собиралось раскрыться.

Провёл пальцем по влажному камню, боясь вдруг не ощутить твёрдое, но под пальцем чувствовалась твердь. Как можно пройти сквозь такую каменную стену? Самый упрямый оленный бык отвернёт в сторону, почувствовав твердь. Надавил кулаком на каменное препятствие [не сдвинулось]. Только наплывы воды. Но ржаво-рыжая [самка], не рыба, и рыбы в камне не плавают.

Ха шуришихурр, иши.

Услышав такое [сказал]: «Выйди».

Надо было взять в руку *железное* [думал].

Пора уходить. Пора встретить Хмурых. Дышат хрипло, сильные ноги продавливают тропу, насторожены – Люди льда где-то рядом. *Не горбятся, просто ходят в наклон*. Выскочат с трёх сторон – квадратные, тяжёлые, с копытами, *убивают*. На Плоский камень удобно нападать с трёх сторон, в четвертой Зеркало.

[Думал] ночью пойдёт снег. Звери, выглядывая из нор, носами будут сосать воздух.

Хуркаоан.

Этого не понял.

Про себя решил: совсем глупая.

Пад-надшурихур-над.

Если она [Ширши? Пура?] о том, что в Пещере шкура убитой им Луны не станет светиться, то ещё больше глупая. Кто видел, чтобы Луна [даже освежёванная] не светилась?

Шамурамад фи шири хур.

[Ответил]: не понимает.

[Услышал]: *Пад?*

Не знал, что ответить.

Если ты о Пещере [сказал] то она совсем не вонючая.

[Пещера] не вонючая и не сырая. В Пещере тепло, сухо, пыль каменная, а если шуршит летучая мышь, можно огнём подпалить её беспокойные кожаные крылья.

Показал ржаво-рыжей локоть.

[Услышал]: *Думила бат.*

[И ещё]: *Хумми.*

Женщины везде дикие.

Упёрся кулаком в каменную стену: «Выйди».

[Услышал]: *Сун суришири.*

Разве есть женщины не сварливые?

Думал, поймёт. Но ржаво-рыжая не ответила.

Люди льда знают даже такое, на что отвечать не надо.

Отступил от Зеркала.

«Ухожу», – сказал хитро.

И спросил: «Пойдёшь со мной?»

Ответила непонятно: *хима*.

Но он знал. *Хима* – снег.

Повторил: «Выйди».

[Знал] всё равно не поймёт.

В Пещере [думал] будешь жить в самом удобном углу. Возьмём для тебя особенные подарки. У меня преимущество. Я Людей льда обманул. Всю жизнь [показал локоть] ты [Ширши, Тора] бегала по гнилым болотам и топким отмелям, закапывалась в холодный снег, – а в Пещере тепло.

«Как в лунном свете».

Самка Прямых и на это не ответила.

Протянул руку. Ахаахахама.

[Страшно].

Ну и что? Ступил в сумерки, в камень. «Идём», – повторил.

И увидел себя в Зеркале. За ним позади высвечивался смутный овал входа.

Там, позади, снаружи остался Плоский камень, в траве – черепа, молчаливая кукушка на дереве [сколько ей жить осталось?]. Там остались подарки, *железное*.

Ахаахахама. Чувствовал себя как в пузыре.

Такие поднимаются в мутной прогретой солнцем воде.

Внутри таких пузырей иногда видны прозрачные тонкие перегородки, и в Зеркале, в которое он вошёл, тоже были такие. За некоторыми перегородками стояла ржаво-рыжая. Боком и прямо. Всяко. Оцепенел: если самок несколько, как всех поведу в Пещеру? Может, по одной?

Услышал: *Сун сур*.

Ближайшая прозрачная перегородка бесшумно лопнула, обдала запахом влажной гнили. Сразу лопнула другая, потом ещё одна, скоро перегородок и [ржаво-рыжих самок] осталось только две. [Обрадовался] столько – приведу. Пусть смотрят голодно. Не боюсь. Пятерых не смог бы.

Ещё одна перегородка лопнула.

Пура [или Ширши] стояла теперь одна.

Стояла руки в бока, как костяная фигурка [в сумке]. Хромой Кулап по утрам в Пещере бьёт такие фигурки, кричит на Гуй-Гуя: «Тучные где?» В Зеркале тоже не было тучной. Зато увидел зубы – сильные, ровные.

Действие съев.

Сун сур.

Он прижал пальцы к губам.

«Молчи». Всё равно ничего не понимает.

Схватил ржаво-рыжую за руку. [Думал] дёрну на себя, упадёт, вскрикнет.

Но ржаво-рыжая не уступила. Держал руку, кожа мягкая, комар прокусит. Пора в Пещеру, там укромные углы, там издали дикий зовёт *уууууууууу*, там Тора бренчит браслетом, «хопошо, хопошо» бормочет старая Канья [...].

V

...свет смутный.

День? Ночь? Свет откуда?

[Помнил]: Пещерные идут к Плоскому камню.

Вслушиваются, всматриваются, Где [молодой У]? Затаился за поворотом? В тени отвесной скалы?

[Чувствовал] рука.

Почему рука? Почему на плече?

Пура? Ширши? Во сне наверно проголодалась.

[Знал]: никого не подпускать близко. Хотел отодвинуться, оттолкнуть, но везде встречал руки.

Пещерные по тропе идут...

Пора увести ржаво-рыжую...

Но в Зеркале сумеречно. В Зеркале запах потёртой медвежьей шкуры, горячая рука на плече. Свет рябит, гаснет.

Вдруг понял: это не свет рябит.

Это снаружи, над тёмной рекой, снег идёт.

[Вслушивался]. Были на Плоском камне Пещерные? Забрали они подарки? Ушёл кто-нибудь из Людей льда? [Теплом по телу] отнять у слабого – хорошо. Зачем лишнее слабому?

[Остро] чувствовал самку.

Медвежья шкура. Тишина. Снег.

Если [думал] не пойдёт, ударю ножом.

На вершинах гор снег тёмный, темней, чем на берегу реки.

На тёмном снегу следы зверя, кусты в тёмных и редких листьях, толстое задыхающееся дерево, опутанное лианами, снег, снег, везде снег, торчат кости, человеческий череп в снегу. Убью Луну, станет ещё темнее. Большая щель погрузится в тьму, никто не найдёт дорогу к Пещерным. А нести светящуюся шкуру поможет Ширши [Пура], сами начнём светиться. В тёмной Пещере хромой Кулап вскинет руки: «Нельзя!». Откликнутся женщины: «Нельзя! Чужая!», дикий Зе безнадежно позовёт: *уууууууууу*. Но Харр-пак [волосатый] скажет: «Моя!». У Хурр-пака много желаний. И братья Харран и Пур сердито коснутся пальцами низких лбов. Ахамахама. Даже Гуй-Гуй предложит сильную помощь. Дети всегда нужны. [Молодой У] оттолкнёт хитрого: «Моя!». Увидит Тору в зелёном браслете, схватит, поведёт [вместе с Ширши] в удобный угол, пусть вдвоём бренчат в рассеянном свете.

Ещё [помнил]: подарки.

Железное – хромому Кулапу.

Пусть на стене [царапает] то, что нужно.

Боятся всегда только того, что никому не нужно.

Горы слева, горы справа – это нужно. Еловые шишки, сосновые ветки, резаная осока, тимьян – нужно. Горы слева и справа скрывают Пещеру от Людей льда. У Прямых всё не так, даже у звезды в небе хвост вырос. Совсем двойной. Хромой Кулап [говорит] видел. Ещё [говорит] в отдалённых углах Пещеры [говорит] прячется тварь – совсем древняя, клыки сломаны, бока в белых проплешинах, шерсть вылезла. Смотреть на такую, сам теряешь волосы. Хромой [говорит]: тварь большая, древняя, движется, двигается, дышит, выпукло выпуклыми глазами

смотрит. Поводит боками будто лягушка, и лапы у неё похотливо разведены – может жить в воде.

В Пещере тепло, сухо. «Хопошо» – бормочет старая Канья.

[Приведёт] ржаво-рыжую, весело укажет на знакомые каменные стены.

Ширши [закричит]: «Хочу к своим». Тора вскрикнет испуганно, разглядывая Ширши как родственницу, забренчат браслеты.

Тогда обеих схватит за волосы.

[Скажет]: «Хочу знать, где река кончается».

Поймут правильно: «Уйдём?» Обращаются: «Вместе уйдём?»

С надеждой повторяют: «Вместе?» Начнут перечислять [Людей льда], кого хотят увидеть в пути. У Людей льда имена как у пауков. Аруш [липкий]. Атлей [глаза в паутине]. Хишлаб [коленчатый]. Пакпау [со всем паук]. Переломать им всем тонкие коленчатые ножки, всё равно пауков много. Одного такого [коленчатого] выбил на стене Пещеры Кулап – ещё давно, ещё когда ничего не слышал ни о Пукпау, ни об Атлее, а похожи. [Боялся] в дальнем гроте [где тот паук] молодого У не раз ловила старая Канья, бормотала «Хопошо, хопошо», руки жилистые. А в другом гроте – хранилище старых шкур – щербатая Канда и тощая Ку тайком учили [молодого У] играть в до-до [...].

Сейчас в Зеркале – сумеречный овал входа.

Снаружи снег шёл. Сквозь его завалы Пещерные пробивались к местам засад. Под падающими снежинками Люди льда раскладывали на Плоском камне добавочные подарки. Никто с Плоского камня не ушёл. Копья справедливо решают дело. Если Ширши [не захочет в Пещеру] ударю. В Пещере хромо́й Кулап сидит у огня, усталые Хмурые стряхивают снег с низких лбов, оглядываются на принесённые подарки, а здесь, в Зеркале, ржаво-рыжая самка втягивает молодые острые когти.

Пыльная тишина, незнакомые запахи.

Ширши на теи.

[Свое имя говорит?]

Повторил [вслух]: *Ширши.*

Ржаво-рыжая расмеялась. Хрипло.

Ри ха́ми шал.

Не знал, что это.

Ша хан.

И этого не знал.

Рывком повернул к себе.

Фай пахи. Она отталкивала.

Отпустил. Вслушивался в незнакомое.

Ша хан. [Пусть говорит]. *Ширши.* *Фай пахи.*

Негромкие непонятные мягкие слова успокаивали.

Овал входа просветлел, открылись редкие звёзды, с Плоского камня понесло холодом. Острые звёзды в Большой щели медленно поворачивались, некоторые падали [не за что держаться] – беззвучно, светло, как искры. Всё равно не увидел ни одной с хвостом. *Рай шет.* Если Ширши о звёздах, он не ответит. Не будет отвечать. Волчьи глаза. Зубы. Выставил руку перед собой.

Негромкий писк за входом в Зеркало.

Может, Тумосы? Не сбрасывал руку с плеча.

Хромо́й Кулап [предупреждал] самки Прямых отвечают своему имени.

Шет ау лай ти.

На это промолчал.

Пусть видит, как отвечает.

Ширши лай си нау. *Нау лай си.*

Спрашивай, о чём хочешь. Он ответит.

Хромо́й Кулап [предупреждал] к самкам Людей льда примерзают, так горячи.

Руки ржаво-рыжей горячие. Как примерзну? Губы горячие. О-а. Наверно, совсем примерзну. Как понять? Ахамахамама. *Ширши на мол теи.* Губы и руки чувствовали. Примерзал, примерзал.

А снег падал по ту сторону Зеркала.

Ахамахамама. Примерзали губы к губам.

О-а. *Вкусное.* Причмокнула. Не боялась действия *сьев.*

Тучная Луна высветилась в овале входа – над плечом горы такой высокой, что смотреть страшно. Примерзал... Примерзал... Примерзал к горячему... [Помнил] жилистые руки старой Каньи... Опять [будто] щербатая Канда и тощая Ку ловили его в каменных тупиках... Слышал визг Ламаи [мягкой], выкрики всегда сердитой Убон – тонкие губы, волосы спутанные. Действие *сьев.* [Будто] белые кости скапливались в углах пещеры.

Ахамахамама.

Ржаво-рыжая укусила.

Вкусное. Аппетит Зеркала.

[Затворницы белой кожи атласной и трубчатых стройных костей].

Хотел сам укусить, но ржаво-рыжая уткнулась в его плечо, стонала и примерзала, примерзала, жадно вспыхивала, мерцая,

о-а, примерзала, о-а, сбивалась, стонала, металась на медвежьей шкуре. Женщины в Пещере часто отдают влажным болотом, самка в Зеркале – горячей кровью.

Ри хами шал. О-а, ри хами.

Всё было горячим. Руки, бёдра.

О-а. [Так] стонала, что мыши, не боясь громких вскриков, с любопытством выглядывали из щелей. Им хоть что-то останется? Бесстыдно участвовать хотели, примерзать, ахамахамахама, хопошо людям.

[Говорят] Люди льда умеют прижимать пыль к земле.

Выжженная равнина, уходя, стадо быков пылит, жжёт солнце. Люди льда взглядами осаждают мешающую видеть пыль. Как осаждают? [Совсем] не знал. Как открывается Зеркало? [Тоже] не знал. Приведу ржаво-рыжую в Пещеру. Ночью душно, кислые запахи, быстрые блохи, зато тепло. Вода где? Вода рядом. Вода в реке. А если другое нужно, – ходят в трещину за вторым залом. И там сухо. Это Люди льда мерзнут в горах, жарятся на ветру, на солнце, тонут в гнилых комариных болотах [...].

Ахамахамахама.

Ржаво-рыжая села.

Скрестила руки на груди.

Видел силуэт, почти понимал каждое незнакомое слова.

Ла маймидема. Ютмаймадема.

Пусть говорит. [Не пойдёт] уведу силой.

[Знал]: Хмурые скоро выйдут к Плоскому камню.

[Помнил] визг: «Почему молодой У идёт к Плоскому камню?»

«Ничего не умеет!» [Помнил] визг Ламаи: «До сих пор играет в до-до!»

Утром бегаёт на дымящуюся реку, смотрит на восход. Такой не разберётся в подарках! Показывала локоть. У неё игл нет. У неё поломались все костяные иглы, хочет железное. [Молодой У] не разберётся в подарках. Запах самки окажется на вещах, всё спутает, не поймёт. «Скажи Кулап! – требовала. – Не молчи, как холодное вымя». Видишь [показывала] пальцы в кровь исколоты обломками игл. И старая Канья бормотала: «хопошо, хопошо», хотя хопошо не было. Жить без подарков трудно. Молодой У сбьётся с дороги, не найдёт Зеркало, не выйдет на Плоский камень. Пусть опытные Хмурые идут. Пусть сильные Хмурые принесут всё, что для них оставлено.

Визгливо требовала отнять у Людей льда железное.

[Визжала] молодой У не разберётся в подарках.

Ют маймадеа.

Пещерные побьют Людей льда.

В белых снегах – чужие белые кости.

Белое на белом.

Гибко встал.

Шагнул в овал Зеркала.

О-а. Как пусто. Как засыпано снегом.

Никаких подарков нет, всё унесли, жёлтые папоротники выглядывают из снега. Ржаво-рыжая изумлённо прижалась к [молодому У]. Сумеречно. Только по краю Плоского камня снег истоптан, будто следы борьбы.

[Сухих костей чуть желтоватый цвет].

Пещерным всё удалось. Все звуки отменены. Везде белое.

Совсем белое лежит на скальных уступах, оплывает мягкими пластами, обвисает с обрывов, нежно кружится в воздухе. [Знал] никого вокруг. Оставшихся в живых увели Пещерные.

Ахамахамахама.

[Смотрел] как разнообразно белое.

[Чувствовал] неподвижную близкую реку.

Больше никаких чужих взглядов. Всем затылком чувствовал чудесное освобождение. И ржаво-рыжая осматривалась без испуга. [Всё белое]. Может, собиралась обратно юркнуть – в Зеркало. Осторожно тронул сумку с браслетом.

О-а! [Вздрогнула].

[Захочет отпрыгнуть] ударю.

Твёрдо держал за руку. Пойдёт [знал]. Пойдёт покорно. [Хотел] примерзать губами, в сухой Пещере, под завистливый вой дикого Зе [уууууууууу], под вскрики [рука кольцом] растеряного Гуй-Гуя.

В Пещере хорошо.

В Пещере большая радость.

Леасан лео сан ти.

Это понял.

[Пойдёт].

VI

...некоторую траву есть не стала. Заячьи кисточки обглодала до блеска. *Вкусное.* Действие съев. Костёр осторожный.

На тропе оглядывалась, присматривалась, будто узнавала.

Вокруг никого нет. Пещерных нет, Прямых нет. Наверное, есть в небе Розовые,

но не видно. [Думал] Пещерных теперь все будут обходить. Большой щели теперь все будут бояться. Принесу Луну, убитую копьем с горбатого плеча горы, в потемневшем мире даже Мохнатые, даже карлики затаятся.

За три дня на тропе никого не встретили.

Белка прыгнет с мохнатой ветки, осыплет облако пушистого инея – сытая. Вздохнёт медведь под снегом в берлоге. Это ничего. Этот пусть спит. Друг. Спящему смело показал локоть.

В сумке каменная пластинка.

На каждую хромой нанесёт знаки:

«Сухой брод...» «Больное болото...» «Оленьи выгоны...» Даже рыбные омути укажет, которые за горой. Хромой Кулап [умеет]. Для каждого нарисует путь. А вот Люди льда [называют себя Прямые], робкие Тумосы, все другие, кого не хотят больше видеть в Большой щели, в тёмных зарослях будут хорониться.

Страшно. Действие съев.

Скашивал глаза на Ширши [Пуру].

Сильные зубы, тощая телом, богатая мышцами, так похожа на каменную фигурку [в сумке], что Гуй-Гуй [рука кольцом] обрадуется, а хромой Кулап рассердится. «Где тучное?» Тогда принесу светящуюся шкуру. При лунном свете народится много детей. «Хопошо, хопошо», – будет бормотать старая Канья. Бренча браслетом, Тора выметет из Пещеры завалившиеся кости – старые, жёлтые, обожжённые. В Пещере сухо. Лунная шкура рассеяла тьму.

[Думал] первой втолкнущи Ширши.

Братья Харран и Пур [тёмные волосы, низкие лбы] – схватятся за ножи. Не сразу поймут. На всю Пещеру завизжит Ламаи [мягкая], Гуй-Гуй изумлённо отряхнёт с рук влажную глину.

[Молодой У] скажет: «Моя!».

И обнимет Ширши.

Повторит: «Моя!».

И обнимет Тору.

Пусть прижимается, бормочет неведомые слова. Подарков много. Все хотят подарков и детей. Поднимет руку: «Моя!»

Даже визгливая Ламаи поймёт. У неё иглы. Железное.

Хватит визжать. Пусть смеётся. Толкну в тёплый угол испуганную Ширши, рядом усажу Тору, пусть бренчат камнями браслетов. Хмурые услышат, те слышат, кто ещё не имеет имён. Не грозит действие съев, есть железное. Прямых, как олешков, перекололи под Зеркалом. Теперь [молодой У] всех выше. Пусть старая Канья бормочет своё «хопошо, хопошо», с таким руки не распустишь. У ног [молодого У] самка Прямых

[Ширши, Пура] и женщина Пещерных [Тора] со светящимся в темноте браслетом. Даже сердитая Убон надвое расчешет длинные волосы, а издали позовёт дикий Зе – *уууууууууу*. Пусть зовёт. Пусть хоть рыбой себя считает. [Молодому У] некогда. [Молодой У] пластает светящиеся обрывки луны, плачут Розовые в потемневшем небе.

[Радовался] кругом снег, пусто.

Радовался, даже следов зверя мало.

«Моя!» – радовался. Втолкнущи Ширши [Пуру] в тёмную Пещеру, хромой Кулап вскинет руки: «Нельзя!». Зачем тощая самка? Где тучное? Уставятся круглыми глазами Харран, Пур, Ламаи, Харр-пак, Хурр-ап, даже те, у кого имени нет. Первым Харр-пак [не поднимая глаз] не выдержит. У Харр-пака много желаний. И братья Харран и Пур покажут жестами: действие *делиться*. «Пусть принесёт детей!» Даже Гуй-Гуй [рука кольцом] предложит посильную помощь.

Вот, что это такое, и что из этого выйдем?

[Молодой У] поднимет руку. «Моя!» [Повторит].

Обхватит Ширши, обнимет Тору. Подтолкнёт [сразу двух] в тёплый угол.

«Мои!» – оттолкнёт поднимающегося Харр-пака, взглядом остановит братьев Харрана и Пура, пусть поймут правильно. В тёплой тьме действие *примерзать*. А [молодой У] выберет копьё, за пояс заткнёт железное и пойдёт в гору. На её горбатое плечо. Там снег. Но это ничего. Это знакомо. Там ниже снега – совсем опавшие кусты, совсем голые деревья, камни. Огромная Луна [как всегда] серебристо всплывёт над горбатым плечом горы. Один удар! Хватит одного точного удара. В Пещеру принесёт светящуюся шкуру, даже в самых страшных каменных тупиках чёрные пауки попятятся. При непривычном свете испуганно завизжит Ламаи, сердито подберёт неприбранные волосы Убон [...].

Скоро придём в Пещеру [думал].

Скашивал глаза на идущую рядом Ширши.

Вот сухое дерево завалено снегом. Надо запомнить. Убью Луну, в Большом ущелье станет совсем темно. Охотники будут издали слышать *уууууууууу* [дикий Зе] воет.

В Пещере кислые запахи, *вкусное*, там мытые корешки.

У Ширши начнётся жизнь новая. Не надо больше проваливаться в снег, брести по речному льду, прислушиваясь к его потрескиванию, бояться волков. Будет слушать дикого Зе [*уууууууууууу*], держать за руку [молодого У] – не уходи...

Зов дикого Зе... В Пещере сухо... За руку держать...

Никак не мог закончить простую мысль. Пещера недалеко, снег, снег. А из мятого [снег] – обломок копья.

Прямые таким дерутся.

Кто мог оставить копьё Прямых рядом с Пещерой?

[Собирал] разбегающиеся мысли. [Думал] гнали чужого... не всех перекололи под Зеркалом... обломок копья...

Вдруг выглядывала Луна.

Жестом указал: Луна – моя.

Жестом указал: снег, тропа, звери в лесу – мои.

[Радовался] скоро убью Луну. Из Пещеры старые кости выбросим. Ширши и Тора [действие *примерзать*] показал губами. Возьму новое копьё, на пояс *железное*, может, отправлюсь на *самый край*. Нет Людей льда, никто больше мешать не будет. Хромой Кулап на тонкой пластинке нацарапает, как выйти на *самый край*. Там с плеча какой-то другой горы наломаем двойных хвостов [светящихся] необычной звезды.

Жестом показал: в Пещере ждут.

[Думал] принесу шкуру Луну, хвост звезды.

Старая Канья вскинет жилистые руки. «Хопашо, хопашо» – потребует *вкусное*. Знает, когда кусаешь *вкусное* – будто летаешь. Розовые поймут. Зарычал от усилия рассказать такое Ширши.

Снег. В снегу мыши.

Чувствовал силу. *Моё!*

На ходу оборвал оползшую с дерева кору, сыпал уснувшие белые личинки на ладонь. *Вкусное*. До Пещеры недалеко. [Ржаво-рыжая] охотно останавливалась, чесалась спиной о торчащий древесный сук, чесалась сильной узкой спиной, показывала зубы [действие *примерзать*]. Показывала [ничего не боится]. Внизу быстрая вода бесшумно выносила на низкий берег ободранные древесные стволы, выкидывала на камни, неопрятные чёрные лохмы скрученных трав крутились в водоворотах.

В Пещере – много подарков.

Если не всех Прямых зарезали под Зеркалом, то сидят сейчас по углам два-три последних. Это ненадолго. Скоро пойдём совсем далеко – к чужим деревянным шалашам, отесним Людей льда. Мешают.

[Чувствовал] себя сильным.

Без труда выловил рыбу из воды, обкусал трепещущий жирный горб, остальное отдал самке. Азамахамахама. *Вкусное*.

Сказала: *Ула хин сао*.

Заворчал.

Ула хин. Ула.

Укусил сытую в губы.

[Вывалась] потёрлась о дерево.

Почему в Пещеру идёт? Почему не боится?

Пошёл снег. Метался в мутном воздухе – ни тропы, ни следа.

В путаной нежной сумеречности влажно чувствовался запах реки.

[Думал] под Зеркалом перекололи Прямых, как олешков. [Думал] не придут больше. Не побегут теперь к чужим шалашам женщины Пещерных, теперь самки Прямых будут бегать в Пещеру – на нежный свет.

[Услышал]: *Ленауистами*.

Что сказала? Не пустит одного?

Я вернусь. [Так считал]. С Луной на плече. В Пещере свет будет. Дети под кровлей будут играть в до-до. На весенних лугах приятно вспыхнет стремглавка. Дикий Зе не устанет звать: *уууууууууу*. На голос дикого Зе откликнутся комары, но это у Людей льда кожа тонкая, где теперь Люди льда? Даже комаров станет меньше, а кожа Ширши [Пур] покроется красивым жирным налётом, не прокусишь. Хотел показать локоть, но комаров не было. В Пещере появятся новые дети. Харр-пак [волосатый], братья Харран и Пур [низкие лбы] помогут. Посильную помощь Гуй-Гуй предложит.

[Думал] почему звезда с хвостом?

[Знал] хвосты – это у волков, у лисиц, у медведей, даже у ящериц. Правда, ящерица не сильно дорожит хвостом, а всё равно имеет.

Зачем звезде хвост? Зачем вокруг всё такое?

Когда высветилось зелёным небо, не стал закрывать глаза.

Нежные зелёные волны гнало по небу, как плоскую воду по отмели. Ахамахамахама. Кожа Ширши играла зелёным, давала алые отсветы. Снег позеленел, отдавал синим, алым. Зеркало осталось далеко позади, над ним наверно тоже небо позеленело. Вот какой свет.

Ширши хрипло рассмеялась.

Хотел отпрянуть – погладила.

[*Примерзать* губами]. Ржаво-рыжая.

За большой горой, с плеча которой удобно брать Луну на копьё, есть глубокое озерце, в нём алые рыбы. Сами по себе алые, без света в небе. Почему? А летом из смутных глубин пузыри плывут, будто озеро дышит. Почему?

[Радовался] *моё*.

Деревянные шалаши сожжём.

Последние... Сожжём... Луну спрячем...

Так повторял [*последние... сожжём...*]

а сам видел, видел, не мог отвести взгляд: рука из снега... Не обломок чужого копья, а рука кольцом... «Где тучное?» Рука щербатого Гуй-Гуя, умевшего лепить самок из светлой глины... «Где тучное?» – сердился хромой Кулап. Утром [разыскав], бил обожжённые фигурки, вдавливал в песок. «Где тучное?» Уууууууу выл издали дикий Зе.

Сперва обломок копья. Сейчас рука Гуй-Гуя...

Торчит из снега... Значит, сам в снегу... Почему брошен?..

Почему не донесли до пещеры?

Линешмуй.

Не хотел слушать.

[Понимал] захваченных вели тут.

Кто-то мог вырваться.

Но почему Гуй-Гуй брошен? Почему оставили в снегу? Кулапу когда-то поломали все его ноги – далеко от Пещеры, всё равно не бросили. Хмурые сердились на Кулапа: почему у тебя на стене трёхрогий олень? Всю жизнь охотимся, таких не видели. Почему тебе мало того, что видишь?

Сердились, но [когда Кулапу сломали ноги] не бросили.

Отвёл глаза. Пещера рядом. Там знают, почему бросили Гуй-Гуя.

Если так [как думал], живых [ещё живых] Людей льда научу прыгать весело.

Кто не прыгнет, бросим в огонь.

[Ширши] будто поняла, показала зубы.

Гуй-Гуй лепил из глины тощих женщин. Хромой Кулап разбивал камнем тощие фигурки. «Где тучное?» Показывал на Ламай, такую комар не прокусит, указывал на Убон, такая искусает сама.

«Где тучное?»

Сердился на Гуй-Гуя.

А [Гуй-Гуй] смеялся, лепил тощих женщин, уходил из Пещеры, искал некоторые травы, выкапывал земляных рыб, прячущихся в иле от летнего зноя, рвал зубами лягушек [вкусное], куском дерева соскребал личинки [вкусное] с битых оводом оленьих шкур. Почему бросили в снегу? Обезноженного Кулапа несли на руках до самой Пещеры, а Гуй-Гуя бросили.

Вот-вот увидим вход в Пещеру.

[Не оборачивался].

Ула хинисланси хот.

Это ничего. Научим говорить правильно.

Научится, расскажет, даже где берут железное.

Пещера близко. Увидит, как Пещерные делают подарки.

Свет костра, тени. Даже Розовые не знают, что делается в Пещере.

[Ширши] отдам браслет. Пусть бренчит. Хотел радоваться, но... Так и стояла перед ним рука Гуй-Гуя [кольцом] – торчала из снега.

Ворон смотрел на [молодого У] с дерева, что-то своё знал.

Что вороны знают о нас? Почему знают много? Почему живут долго?

Ржаво-рыжая сбоку смотрела на [на молодого У].

Моя! [радовался].

Линешмуй.

Снежная тропа...

Обломанное копьё...

Рука Гуй-Гуя из снега...

Большая щель даже для Розовых часто закрыта. То снег, то ночь. В мутной мгле трубят твари, мохнатые жалуются. Что в Пещере – вообще не видно.

Порывом ветра разогнало падающий снег.

Сейчас увидим вход. В Пещере нет снега. К Пещере ведёт много снежных тропинок, все затоптаны, занесены. Всё равно дорогу видно. Скоро [будет] ударю Луну копьём, как кто-то ударил щербатого Гуй-Гуя, потом увижу двойной звёздный хвост. Светящуюся шкуру, куски изломанного хвоста принесу в Пещеру, уууууууууу будет выть ветер, вызывать молодого У к чёрной реке; уууууууууу – будет тянуть чёрная холодная вода в реке, завиваться хвостатыми водоворотами; уууууууууууу – позовёт дикий Зе, волк понимающе откликнется.

Два хвоста, – зачем звезде столько?

Перехватил взгляд Ширши. Смотрела, не отводя глаз.

Пещера рядом [не отводила глаз]. Может знает [не отводила], зачем раздвоенный хвост звезде. Это – чего знак?

Слабо светился вход.

Внутри сухо. Хромой Кулап у огня.

Выложены камни в круг, набросаны обожжённые кости.

Действие съез. Хромой увидит Ширши, вскинет руки: «Нельзя!».

Сильные запахи, слабый дым. Женщины повизгивают. Ахахахахахама.

Будут трогать, щупать бока, «хопошо, хопошо» – будет бормотать старая Канья [жилистые руки]. Иглы, нож, теперь всё железное. Ширши детей нарожает. «Хопошо». Дети научатся играть в до-до, морозить еду во льду.

Не знал, как всё это сказать.

Сладкое тепло разливалось по телу.

Из-за дерева [бесшумно, как волки] вышли двое.

И у входа в Пещеру встали двое. Чужая одежда, чужие копья. Видели [Ширши],

потому не кидались, скалились, разглядывали [молодого У]. Он думал, нет больше Прямых, а они – вот.

И Ширши показала зубы.

Рука на ноже. Чужие... В Пещере...

Если так, для кого теперь убивать Луну?

Почему в Пещере Люди льда [называют себя Прямыми]?

Их всех перекололи под Зеркалом, а они в Пещере. Почему?

Для Прямых – лес, река, снежные долины под звёздами. Люди льда живут на ногах. А Пещерных не греет зелёный свет в небе, им нужен тёплый очаг, визг Ламаи [мягкой], *вкусное*, Тора нужна.

Аахамахамахама.

Пещерных греют – огонь и женщина.

Думал, нет больше Людей льда, а они... Обошли засады?

Наверно Ширши [Пура] всё видела из Зеркала, помогала Прямым.

[Помнил] горячую рука на плече. Кого убили? Когда убили? Кого снег укрыл? Один только щербатый Гуй-Гуй [рука кольцом] поприветствовал [молодого У].

Потом [Пещерных] убивали.

Убивали в Пещере, при факелах.

Убили визгливую Ламаи [*мягкую*]. Наверно, визжала, вырывалась, выкрикивала: зачем послали молодого У? Нельзя посылать за подарками тех, кто даже в до-до играет плохо! Убили любившего сидеть на корточках Харр-пака [волосатого, редко поднимал взгляд]. Зарезали Хурр-апа [кивающего]. Может, ещё под Зеркалом зарезали, может, в Пещере. Ударили копьями Харрана и Пура – братьев [тёмный волос, низкие лбы]. Может, ещё на Плоском камне. Там медленный снег шёл, горячая рука Ширши на плече [*примерзать* губами]. Убили даже тех, у кого имён не было.

Люди льда молча смотрели на [молодого У].

Они сытые. С ним Ширши. Зачем убивать?

Уилли лао.

Положила руку на плечо.

Люди льда молча [сыто] смотрели.

Понимали по-своему, не так, как [молодой У].

Хотел показать Прямым локоть, Ширши помешала. Ухватила за руку, смотрела на вход в Пещеру, показывала зубы. Аруш [Прямой] так звали, спросил: «Пойдёшь с нами к большой воде?»

Не собирались оставаться в Пещере.

Ширши покачала головой.

Аран [Прямой] так звали, спросил: «Здесь останешься?»

Опять покачала головой.

«С ним нельзя», – указал Аруш на молодого У.

А другой [Аран] подсказал: «Если уйдёшь с ним [смотрел на молодого У], то уходи вниз по реке, всё ниже и ниже. У Серых перекатов [ты знаешь] стоят старые шалаши».

Еще один присмотрелся к молодому У. Одобрил: *вкусное*.

[Ширши] возразила: «Просто молодой».

Не согласился: *вкусное*.

[Ширши] сказала: «Он свет хочет».

Теперь Аруш возразил: «Свет везде есть».

«Он в Пещере свет хочет».

Удивились: как такое делает?

[Сказала]: «Убьёт Луну».

Все поражённо посмотрели [на молодого У].

На лица, на руки, на копья бесшумно падали снежинки.

Пакпау [стоял у входа] переспросил: «Как?»

Пояснила: «Копьём».

[Догадался]: «С плеча горы?»

Кивнула.

Услышала.

«Совсем молодой».

Но [молодой У] себя молодым больше не чувствовал.

Совсем недавно знал: Пещера – моя, Тора моя, *вкусное* моё, и Ширши, и *железное* – всё моё! А теперь по взглядам Аруша и Хишлаба, по взгляду Арана и улыбке коленчатого Пакпау понимал: всё так, но уже не совсем так. Люди льда [Прямые] живы, а где Пещерные, почему Гуй-Гуя не донесли?

Наверное, Харр-пак [не поднимая глаз], и Хурр-ап [кивающий] лежат в снегах под Зеркалом. А с ними – Харран и Пур, братья [тёмные волосы, низкие лбы]. Визгливой Ламаи нет, женщин нет. Тех, у кого ещё и имён не было, нет. Сердитые оленные быки уводят стада к дальним долинам, сердитые Люди льда увели Пещерных *далеко*. А зачем Людям льда Пещера? У них Луна есть. Не пустят [молодого У] на горбатое плечо горы. Когда-то не пустили Кулапа, теперь [молодого У] не пустят. Луна им в небе нужна. И Розовым Луна нужна только в небе, и Тумосам, и Мохнатым. Это дикий Зе может жить в тёмных каменных переходах, он рыбой себя считает, зовёт: *уууууууууу*. А никто теперь не придёт. Квадратные Хмурые... визгливые женщины... Никого нет.

[Глядел на Шурши].

Сейчас покажет зубы.

Сейчас Прямых позовёт.

Пещера теперь – для них. Большая щель – для них.

Укажет на [молодого У] – этот для неё. Других ей не надо. Нет больше Пещерных, никому не мешают. Рыбы и птицы, звери в ночи, дневные звери, личинки овода в шкуре оленя – всё теперь только для Прямых. Положит руку на плечо Молодого У: «Мой!» Никому не нужна Пещера, заваленная костями. Пусть медведь вернётся, будет ворчать: «хопошо», покажет локоть Пещерным. Никому не нужна святящаяся шкура Луны, поломанные святящиеся хвосты. Только спать мешают.

[Молодой У] больше не чувствовал себя молодым.

Косился на Ширши [*примерзать* губами]. Сейчас произнесёт: «Мой!»

Все этого ждали. Хотели *вкусное*.

Коснулась рукой плеча. Молодой У не понял.

«Твоя».

Почему *твоя*?

Большая щель принадлежит Людям льда, вой дикого Зе никого не пугает. Даже Прямые насторожились. «Твоя». Почему? Снег пошёл. Белое ложилось на белое. Почему *твоя*? Сколько будет ещё вопросов?

[Помнил] руку Гуй-Гуя. Лепил из мягкой глины совсем тощих. Ламаи сердилась, хромой Кулап спрашивал: «Тучные где?» Не верил в тощих.

Ахамахамама.

Уйдём? [Не верил]. Вдвоём?

Рука Ширши [Пуры] лежала на плече.

[Помнил] *примерзать* губами. В Зеркале, на реке, на папоротниковых полянах, где получится. Пусть остаётся Луна в небе. *Примерзать* губами – в горах, в болотных долинах. Где ещё? Почему – *твоя*? Вопросы как комары, прокусывали насквозь. Лучше на *самом краю*. Хромой Кулап [говорил] там трава, там стада оленей, необычные звери, сердитые птицы, над ними волнами набегают на горизонт сияния – зелёные, алые. А сквозь цветные нежные волны бесстыдно [хвостом вверх] просвечивает звезда, какую даже Люди льда видят редко.

Пойдём, как оленный бык и его самка.

И опять услышал:

«Твоя».

P.S.

Через тысячу лет. Через пять. Через двадцать тысяч.

За письменным столом – человек. Имя Берг. Одна нога короче другой. Водит не каменным резцом по камню, а пером по бумаге. Ахамахамама. Кто знает, чьи гены определяют поиск? Из какого далёкого прошлого прорастают написанные слова?

[*Посвятить другу*]. Буква к букве. Как тёмный след на белом снегу.

*Белы берёзы и белы седины,
Бело крыло, и грудь как снег бела,
И платье бело, и белы куртины,
И белым стужа землю замела.*

*Белы ракушки, и белы рубашки,
И бел налёт на плесени, и мел,
И небо в зной, и на волнах барашки,
И на пути горючий камень бел.*

*А за окном белеют занавески,
Как лёд в горах, как яблонь цвет живой,
Как в лунной мгле поля и перелески,
Иль краскам – гибель этот белый твой!*

*Гранит и мрамор, шаткие ступени,
Сухих костей чуть желтоватый цвет,
Цвет камбалы, и белый цвет сирени,
И всё – мечта, и ей предела нет.*

*В молочной тьме белеющее море,
Крик чайки, пляж – как снега полоса.
И голос флейты в соловьином хоре,
И лунный свет, и ночь, и паруса.*

*Иль белый твой – для красок возрожденье?
О, цвет весны! О, сны в лучах луны!
Сады плывут, как белое виденье.
О, белый мир! О, чудо белизны!*

Посвятить другу.
Это не показать локоть.

Новосибирск. 2021